

ЛЕГЕНДАРНАЯ ГАНГСТЕРСКАЯ САГА

ГАРРИ
ГРЕЙ

Поднявшись из нищеты,
они познали
только один закон —
закон силы.

Но смерть расставила
все по своим местам.

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

Гарри Грей

Однажды в Америке

«Центрполиграф»

1952

Грей Г.

Однажды в Америке / Г. Грей — «Центрполиграф», 1952

Гарри Грей написал этот биографический роман в одиночной камере тюрьмы Синг-Синг. Будучи членом преступной банды, которой боялась вся страна, он реалистично отобразил жизнь Америки времен Великой депрессии: сухой закон, бутлегеры, проституция, ограбления и убийства. Герои книги – выходцы из бедных эмигрантских кварталов Нью-Йорка. В условиях беззакония и отсутствия работы они прокладывают себе дорогу в жизни с помощью дружбы и пистолета.

© Грей Г., 1952

© Центрполиграф, 1952

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	59
Глава 12	65
Глава 13	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Гарри Грей

Однажды в Америке

*Моим истинным и верным друзьям
М., Б., Г. и С.*

Глава 1

Косой Хайми взволнованно перегнулся через парту. Его голубые глаза смотрели в разные стороны. Он был настойчив и серьезен. Его голос звучал подобострастно.

– Эй, Макс, послушай, Макс. Ты слышишь меня, Макс? – шептал он просящим тоном.

Большой Макси бросил взгляд на учительницу, старую Булавку Монс, которая грозно сидела за столом далеко впереди, во главе нашего седьмого класса. Он положил на колени обернутый в бумагу роман и с раздражением посмотрел на Косого. Взгляд у него был острый и прямой; он вел себя спокойно и уверенно. В его голосе звучало пренебрежение.

– Почему бы тебе просто не читать книжку и помалкивать?

Он поднял с колен свой вестерн и пробормотал: «Вот задница».

Получив такой выговор, Косой посмотрел на Макси с болью и упреком. Он обмяк, надулся, чувствуя себя обиженным. Макси с добродушным юмором разглядывал его поверх книги.

Смягчившись, он прошептал:

– Ладно, Косой, что ты там хотел сказать?

Косой колебался. Отповедь Макси немного остудила его пыл. Это было видно по тому, что его глаза снова обрели нормальный фокус.

– Не знаю. Я просто подумал, – сказал он.

– Подумал? О чем? – Макс начал терять терпение.

– Как насчет того, чтобы сбежать из школы, отправиться на Запад и присоединиться к Джесси Джеймсу и его шайке?

Большой Макси посмотрел на Косого с глубоким отвращением. Он не спеша вытянул под маленькой партой длинные ноги. Лениво закинул за голову большие мускулистые руки, оказавшиеся высоко над затылком. Зевнул и слегка толкнул меня коленом. Он сказал тоном всезнайки, цедя слова сквозь зубы:

– Эй, Лапша, ты слышал, что прокудахтал этот цыпленок? Ты слышал? Как можно быть таким тупицей? Сделай одолжение, объясни ему. Господи, ну и олух!

– Таких еще поискать, – согласился я. Наклонившись к Косому, я сказал с привычной усмешкой превосходства: – Пораскинь своими мозгами. Все эти парни уже умерли, давным-давно.

– Умерли? – подавленно переспросил Косой.

– Конечно, умерли, дурень, – подтвердил я презрительно.

Он расплылся в притворной улыбке.

– Ты все знаешь. У тебя есть башка на плечах. Правда, Лапша? – Он издал угодливый смешок. Я проглотил эту лесть. Он сделал ее еще грубее. – Ты умник, вот тебя и прозвали Лапшой¹. Верно, Лапша?

И он снова рассмеялся тем же заискивающим смехом.

Я с напускной скромностью пожал плечами и повернулся к Максиму:

¹ В английском языке кличка персонажа «Noodle» означает и «лапша», и «башка». (Здесь и далее примеч. пер.)

– А что еще ты ожидал от этого тупоголового Косого?

– Чего он ожидал от Косого? – вмешался крепыш Патси. Он сидел с другой стороны от Макса.

Мисс Монс бросила в нашу сторону предупреждающий сердитый взгляд. Мы не обратили на нее никакого внимания.

Патси вызывающим жестом откинул с кустистых бровей черные густые волосы. Оттопырив уголок верхней губы, он издал фыркание, означавшее у него крайнюю степень пренебрежения. Потом спросил намеренно отрывистым и грубым тоном:

– Что еще сморозил этот олух?

Коротышка Доминик, сидевший рядом с Косым, вызвался ответить. Он произнес тонким голоском:

– Он хочет отправиться на Запад и присоединиться к шайке Джесси Джеймса. Он хочет скакать на лошадке.

Доминик покачался вверх-вниз, держа в одной руке воображаемые поводья. Другой рукой он шлепал себя по толстому боку.

– И-го-го, Косой, и-го-го! – дразнил Доминик. Он поцокал языком.

Мы все вчетвером присоединились к этой игре, цокая языками и подскакивая на своих местах.

– Тише. Старый боевой топор, – шепнул Патси.

Словно темное облако, несущееся по ясному небу, по проходу двинулась огромная взъерошенная фигура. На ее гигантских боках клубились складки черной юбки, подколотов английскими булавками. Она грозно нависла над нами.

– Вы... вы... никчемные лодыри... чем вы тут занимаетесь?

Косой быстрым движением спрятал книгу за спину. Мисс Монс распирало от ярости. Ее щеки пылали от гнева.

– Вы... вы... хулиганы! Вы... вы... бандиты! Вы... вы... нищее отребье, читающее всякую дрянь! Немедленно отдайте мне эту грязную книжонку. – Она сунула руку под нос Макси.

Тот неторопливым и нахальным жестом сложил вестерн и положил его в задний карман.

– Сейчас же отдайте мне книгу! – Она в бешенстве топнула ногой.

Макс одарил ее сладкой улыбкой.

– Поцелуйте меня в точес, дорогая учительница, – сказал он на четком идиш.

Судя по выражению ее лица, она догадалась, какую именно часть тела Макс предлагал ей поцеловать.

На долю секунды класс замер в оцепенении. В комнате слышалось только астматическое дыхание, вырывавшееся из малиновых щек учительницы. Потом по партам пролетел подавленный смешок. Она резко развернулась на шум, задыхаясь от негодования. Одно мгновение мисс Монс в угрожающем молчании разглядывала класс. Потом направилась назад к столу, разгневанно покачивая на ходу мощными бедрами.

Доминик хлопнул левой ладонью по правой вытянутой руке: оскорбительный итальянский жест.

– Гола Тэй, старая Булавка! – крикнул он ей в спину.

Патси хлопнул Доминика по спине и хихикнул:

– У тебя слишком маленький; ей нужна ручка от швабры.

Макс издал губами громкий непристойный звук. Весь класс радостно заревел. Мисс Монс стояла у стола, наблюдая за этой буйной сценой. Ее трясло от ярости. Однако через минуту она взяла себя в руки. Ее гнев излился спокойной ледяной горечью. Она прочистила горло. Класс затих.

– Вы, пятеро оболтусов, виноваты в этом беспорядке, и вы получите по заслугам, – сказала она. – Мне уже второй год приходится терпеть вас, грязных мальчишек из Ист-Сайда,

и ваши грубые выходки. Никогда, за всю свою учительскую карьеру, я не встречала таких мерзких маленьких бандитов. Впрочем, нет, я ошиблась. – Она торжествующе улыбнулась. – Несколько лет назад у меня училось несколько таких бездельников. – Ее улыбка стала еще шире. – И вчера в вечерней газете я прочла о том, как замечательно кончили двое из них. Они были такие же головорезы, как вы. – Учительница драматическим жестом указала на нас. – И я предсказываю вам, что вы пятеро в свое время закончите карьеру точно так же, как они, – на электрическом стуле!

Она села, улыбаясь нам и довольно кивая.

Патси проворчал:

– Она говорит о Левше Луи и Даго Фрэнке.

Макси сплюнул сквозь зубы.

– Пара тупых придурков, вот они кто! – Он повернулся ко мне. – Этот Левша Луи, он и вправду был твой дядя, Лапша?

Я с сожалением покачал головой. Я бы мог гордиться таким родственником.

– Нет, он был всего лишь другом моего дяди Абрахама, которого его друзья выбросили из лодки, когда они промышляли контрабандой бриллиантов.

Макси кивнул.

Учительница вынула тяжелые медные часы из складок черной юбки.

– Слава богу, до звонка осталось пятнадцать минут, – сказала она.

Мисс Монс сидела за столом, глядя на нас с полуулыбкой, очень довольная, как бы предвкушая тот конец, который она нам предвещала.

Макси вытащил вестерн из заднего кармана. Он бросил на учительницу нахальный взгляд и развалился с книгой за партой. Остальной класс вернулся к своим занятиям.

Я скопировал беспечную позу Большого Макси и еще глубже сполз за парту, слушая в открытое окно знакомый гул нью-йоркского Ист-Сайда. Я погрузился в свою любимую игру, воображая, что доносившийся с улицы шум – это звуки расстроенной оперы. Резкий свисток регулировщика означал сигнал дирижера начинать. Постукивание лошадиных подков, скрип колес и громохание повозок по булыжной мостовой сливались в ритмичный рокот оркестровых барабанов. Громкие гудки грузовиков и рожки легковых автомобилей звучали как духовые инструменты, вплетавшиеся в основную тему. Крики и плач детей напоминали печальную музыку скрипок, отдаленный гул трамваев превращался в низкий дрожащий звук контрабаса. Человеческие голоса, врывавшиеся в эту суматоху и окликавшие друг друга на всевозможных языках, изображали звучащий на заднем плане хор, а зычные возгласы уличного разносчика, расхваливавшего свой товар, могли сойти за арию ведущего мужского тенора. Весь этот музыкальный гам перекрывал режущий крик какой-то толстухи. Я сделал из нее примадонну с оперным сопрано. Она высовывалась из верхнего окна:

– Шлойми! Шлойми! Эй, Шлойми, не забудь зайти к бакалейщику и купить жирную копченую селедку!

Потом я представил себе гоблинов и ведьм, которые мчались верхом на этих звуковых волнах и на струйках уличной вони. Они скользили по запахам гниющего мусора из открытых баков, путешествовали по зловонию сточных труб, смешанному с крепкими кухонными ароматами, которые доносились из многоквартирного дома, и с едкой мочой из школьных туалетов во дворе. Они врывались в окно удушающими парами, эти омерзительные гоблины, испускавшие смердящие газы. Благодаря этой игре в моей памяти навсегда остались звуки и запахи улиц Ист-Сайда.

Через некоторое время я вернулся к реальности. Я поглядел на Большого Макси, Патси, Доминика и Косого Хайми, спрашивая себя, о чем они сейчас думают. Я представил себе всех нас верхом на лошадях, с шестизарядными кольтами в руках, спасающимися от преследования правительственного отряда. Вот было бы здорово, подумал я. Я рассмеялся – как у меня,

Лапши, могут быть такие детские мысли. Через несколько месяцев будет бар-мицва, а я все еще забавляюсь глупыми мечтами, как Косой Хайми. Я рассмеялся над самим собой.

– Что смешного, Лапша? – Макс отложил свою книгу и взглянул на меня.

– Ничего, просто подумал кое-что.

Макс улыбнулся:

– И ты тоже? О чем?

– О Косом, вступающем в шайку Джесси Джеймса.

– Он полный придурок, этот Косой. Что толку иметь дело с парнями, промышляющими по мелким городкам. – Макс пренебрежительно хмыкнул. – Конечно, он был крутой, этот Джесси Джеймс со своей шестизарядной пушкой, но ты понимаешь, Лапша, что я хочу сказать: глупо заниматься грабежом на лошадях. Это старомодный стиль. Мы будем делать по-другому. – Макс вытер нос тыльной стороной ладони. – Мы возьмем в банке миллион баксов, а потом скроемся.

Доминик спросил:

– Миллион баксов на всех пятерых, Макс?

– Нет, на каждого. Что ты скажешь о миллионе баксов, Лапша? – Макс был очень серьезен.

– О миллионе? Мне это нравится, но, я думаю, и полмиллиона будет достаточно, а потом мы скроемся. Полмиллиона баксов – это очень много денег, Макси, – сказал я рассудительно.

– Может быть, для кого-то и полмиллиона – большие деньги, но что касается меня, то мне нужен миллион. – Макс посмотрел на нас с вызовом.

Я пожал плечами:

– Ну ладно, хорошо, мы остановимся на миллионе. Какая, к черту, разница?

– И мы скроемся, когда получим по миллиону? – спросил Патси.

– Да, мы скроемся, и поедем в Бронкс, и станем там большими шишками, – безапелляционно заключил Макс.

– Эй, ребята. – Косой наклонился к нам. – А миллион баксов – это сколько?

Макс взялся за голову:

– Как вам нравится этот вопрос? Парню уже тринадцать лет, а он спрашивает, сколько это – миллион баксов!

Доминик вмешался в разговор:

– Косой, дурень ты этакий, миллион баксов – это миллион баксов, вот и все.

– Да, я понимаю, – с готовностью улыбнулся Косой, – но все-таки, сколько это? Скажи мне, Домми. Сколько это тысяч?

Доминик почесал в затылке:

– Я думаю, что миллион – это десять тысяч долларов.

– О чем ты говоришь? Это гораздо больше, чем пятьдесят тысяч баксов, верно, Лапша? – ухмыльнулся Патси.

Я был горд собой. Я знал все ответы. Поэтому они и прозвали меня Лапшой. Я веско произнес:

– Это десять сотен тысяч баксов!

Пат робко улыбнулся.

– Да, так я и хотел сказать. – Чтобы скрыть свое смущение, он поскорей переменял тему: – Когда мы начнем собирать деревья для костра на день выборов?

Макси подумал, прежде чем ответить.

– Начнем собирать в это воскресенье.

Косой завокнулся:

– В этом году у нас будет большой костер, как всегда, даже если Уилсон проиграет?

– Конечно. Разве у нас не всегда был самый большой костер во всей округе? Не важно, кто выиграет, Уилсон или Хьюдж, у нас все равно будет большой костер.

Прозвенел звонок; мы стали собирать учебники. Остальные ученики почтительно стояли в стороне, пока мы шли к двери. Мисс Монс встала. Она протянула руку, чтобы остановить меня, когда я проходил мимо.

– Вы! – сказала она повелительно.

– Кто, я?

Я был готов оттолкнуть ее в сторону. Макси встал рядом, чтобы оказать мне помощь.

– Да, вы, молодой человек. Мистер О’Брайен хочет поговорить с вами.

– Кто, директор? Опять? – спросил я обеспокоенно. – А за что?

– Не задавайте лишних вопросов, молодой человек. Просто отправляйтесь наверх.

Я повернулся к Макси:

– Подожди меня. Я схожу к директору и узнаю, что от меня хочет этот старый болван.

Макс проводил меня к лестнице:

– Мы будем рядом, если тебе понадобится помощь. Мы ворвемся в кабинет и вышвырнем старую задницу из окна.

– Не надо. Он в общем-то ничего, не такой уж плохой парень, этот О’Брайен.

– Верно, для директора он не так уж плох, – согласился Макс.

Он пошел прочь. Я подождал, пока Макси не скроется из виду. Мне не хотелось, чтобы он видел, как я снимаю свою фуражку. Я робко постучал в дверь. Послышался приятный низкий голос:

– Входите, пожалуйста.

Я вежливо остановился в приоткрытой двери:

– Вы хотели меня видеть, мистер О’Брайен?

– Да, да, входите. – Его большое красное лицо приветливо улыбалось. – Входите и закройте дверь. Присаживайтесь, молодой человек, это не займет много времени. Я как раз смотрел кое-какие ваши письменные работы, они очень хороши, очень хороши. – Он взглянул на меня. Его брови нахмурились. – Но ваше поведение меня разочаровывает.

Директор снова склонился над бумагами.

Я сел напротив него, чувствуя себя не в своей тарелке. Через некоторое время он отодвинул кресло от стола и стал раскачиваться на нем взад-вперед, закинув руки за голову. Его пронизательные голубые глаза блестели. Он смотрел на меня. Он думал о том, что собирался мне сказать. Мне все больше становилось не по себе. Внезапно он перестал раскачиваться и наклонился над столом. Выражение его лица стало строгим.

– Иногда я спрашиваю сам себя, почему я вами занимаюсь. Вероятно, потому, что вижу в вас кое-какие способности. Если судить по вашей успеваемости, вы – необычайно умный мальчик. И мне кажется, что я должен с вами поговорить... – Директор встал и начал расхаживать по комнате. – Не считайте сие еще одним школьным уроком. Это не так. Вам осталось провести в нашей школе всего несколько месяцев, так что ваше поведение, каким бы оно ни было, не имеет для нас большого значения, однако... – Он многозначительно поднял палец. – Ваше поведение здесь очень важно для вас, и только для вас. Этот момент может стать поворотной точкой в вашей жизни. Повторяю, не будь вы таким умным мальчиком, я вообще не стал бы тратить на вас время. Я не пытался бы объяснить вам, что путь, на который встали вы и ваши товарищи, ведет в никуда. Поверьте мне. – Директор говорил взволнованно и серьезно.

Я сидел и думал, предоставив ему вести беседу. Что он, этот старик, может знать о нас, ребятах? Ему уже почти сорок пять, и он стоит одной ногой в могиле. С другой стороны, этот ирландец совсем не плох. В качестве директора он лучший из всех, кто бывал в нашей дыре. Не то что последний старый ублюдок, который только и знал, что развешивать оплеухи.

Директор продолжал:

– Отчасти я виню в происходящем ваше окружение. Вы понимаете, что я имею в виду под этим словом?

На минуту я забыл, с кем говорю.

– Понимаю ли я, что такое окружение? – усмехнулся я презрительно.

Он рассмеялся:

– Да, да, я и запамятовал, что вас прозвали Лапшой, – вы все знаете.

Я осекся и переменял тон. Я пробормотал:

– Окружение? Вы имеете в виду Ист-Сайд?

– И да, и нет; в основном – нет. Многие, очень многие достойные люди родились и выросли в этом районе. – Он остановился и несколько секунд смотрел на меня внимательно. – Та последняя история, в которую попали вы со своими друзьями, – в чем там было дело? Зачем вы совершили это?

Я пожал плечами.

– Вы понимаете, о чем я говорю?

Я покачал головой. Я лгал. Мое лицо пылало. Откуда он об этом узнал?

– Вы знаете, о чем я говорю. – Его голос затвердел. – Посмотрите на меня, молодой человек, и давайте будем откровенны друг с другом.

Директор снова стал рассказывать по комнате. Я чувствовал себя как преступник на перекрестном допросе.

– Я говорю о кондитерской Шварца, которую вы со своими друзьями ограбили несколько дней назад.

Я готов был провалиться сквозь пол. Значит, директор знал. Ну и пошел он к черту.

– Вам известно, что, если бы не ваш рабби, не католический священник ваших друзей и не моя небольшая помощь в отношениях с городскими властями, вы все могли бы отправиться в исправительное заведение?

Я пожал плечами. Вот, значит, как он думает, этот болван. Он не знает, кто на самом деле вытащил нас из той передраги. Я раздумывал, не сказать ли ему, что все дело уладил дядюшка Большого Макси, владелец похоронного бюро? Он пошел к Монаху, гангстеру, а Монах пошел к местному лидеру Таммани², и тот поговорил с судьей прежде, чем к нему успели обратиться рабби, священник или О’Брайен. Вся эта троица – полные придурки. Монах и местный босс – вот с кем надо иметь дело. У них все в руках – полиция, судьи, все.

– Я с вами говорю, молодой человек. Почему вы не отвечаете?

Я опять пожал плечами. Я не мог смотреть ему в глаза. Он продолжал рассказывать взад-вперед.

– Я вас спрашиваю, зачем вы это сделали? Для забавы? Ради денег? Родители дают вам карманные деньги?

– Иногда, если отец работает, – пробормотал я.

– А сейчас он работает?

Я покачал головой.

– Сколько раз мне повторять, что невежливо качать головой и пожимать плечами? Говорите, а не отвечайте мне телодвижениями. Потом вы всю жизнь не избавитесь от этой дурной привычки.

Я пожал плечами.

Он в отчаянии воздел руки.

– Ну хорошо... есть еще одна вещь, которую я хотел бы знать. – На мгновение он замаялся. – Меня все время интересовало... разумеется, я не собираюсь вмешиваться в ваши личные

² Имеется в виду Общество Таммани – политический клуб, контролировавший нью-йоркскую организацию демократической партии США.

дела, но я просто хочу знать, чтобы правильно действовать дальше... Почему вы и ваши друзья не пользуетесь возможностью получать бесплатные горячие обеды, которые выдают в школе? Я заметил, что вместо этого в обеденный перерыв вы с ребятами играете во дворе в баскетбол. Вы – хрупкого телосложения, и я думаю, что вам совсем бы не повредил горячий суп в середине дня. – В его доброжелательном тоне снова послышалось колебание. – Скажите, это не связано с тем, что вы называете «кошерностью»?

Я покачал головой:

– Нет. Кошерность для меня ничего не значит.

– Тогда почему? Мне просто хотелось бы знать.

Я ничего не отвечал; я только пожимал плечами.

– Бесплатные школьные обеды стоят городу больших денег и усилий, – продолжал директор, – но многие из детей, которые могли воспользоваться такой щедростью, этого не делают.

– Щедростью, – усмехнулся я.

– Да, щедростью, – повторил он. – Что не так с этими обедами?

– Суп, – сказал я иронически.

– Суп?

– Да, благотворительный суп, – пробормотал я.

– Хм... да, к сожалению, суп и хлеб – основные блюда, которые раздаются бесплатно, чтобы пополнить домашний рацион недоедающих детей в этих густонаселенных кварталах.

– Суповые школы, – сказал я презрительно.

Он грустно улыбнулся:

– Да, да, я уже слышал это раньше. Суповые школы. Ладно, давайте на время забудем о супе, хорошо?

Я кивнул.

– Вот и замечательно. Так на чем мы остановились? – спросил директор, улыбаясь. – Ах да, значит, ваш отец – один из тех, кому не повезло с работой?

Я кивнул. Он печально покачал головой. Потом сочувственно поцокал языком: «Цк, цк, цк». Я начал чувствовать себя неловко.

Директор глубоко вздохнул:

– Так вот почему вы собираетесь уйти из школы? И закончить на этом свою учебу? Вы хотите пойти работать и зарабатывать деньги, чтобы помогать вашей семье?

– Да.

– Это очень похвально, но не лучше ли все-таки будет сначала закончить школу?

Я пожал плечами.

– Так да или нет?

Я снова пожал плечами.

– Послушайте. Я хочу помочь вам. И я помогу вам, если вы станете вести себя по-другому. Держитесь подальше от ваших опасных приятелей и продолжайте ходить в школу. Только благодаря учебе...

Я его перебил:

– Я не могу ходить в школу. Я должен работать. Мой отец безработный. – Я выпалил это с вызовом, на одном дыхании.

– Сколько времени ваш отец без работы?

– Сколько? Месяца три.

– Хм. – О’Брайен поскреб подбородок. – Вот что, у меня есть одна идея, и, по-моему, это как раз ваш случай. Вы достаточно умны и в целом имеете хорошие задатки... – Он опять заколебался. Подумав немного, прибавил: – Думаю, что при правильном руководстве вы все еще можете стать добропорядочным и достойным гражданином. Я обращусь в агентство социальной помощи и попрошу его заняться вами и помочь вашей семье, чтобы вы могли продол-

жать ходить в школу. Только не связывайтесь с дурной компанией. – На его лице появилась доверительная улыбка. Он думал, что решил проблему. В его голосе звучала радость. – Итак? Разве это не хорошее предложение? Они помогут вам, чтобы вы помогли самому себе. Вы сможете продолжить учебу и, если будете правильно себя вести, добьетесь успеха. Ведь вы хотите добиться успеха в жизни, не правда ли? А чтобы приобщиться к благам этого мира, вам нужно приобрести специальность. Я вижу, у вас есть способности к математике. Почему бы вам не продолжить образование и не стать бухгалтером или даже менеджером? Все, что вам нужно, это не плестись по жизни без всякой цели. Специальное знание – как острый нож. Оно поможет вам прорваться через все препятствия, которые жизнь воздвигнет на пути к вашей цели. К вашему успеху. Вы понимаете, о чем я говорю?

Я понимал, о чем он говорит, но притворился дурачком:

– Да, у меня будет большой ножик.

В первый раз О’Брайен вышел из себя.

– Черт бы побрал вашу тупость, – взорвался он. – Я думал, вы поняли, о чем я говорил.

Я пожал плечами. Я начинал испытывать раздражение.

– Итак? – Его голос зазвенел.

– Что? – Я сделал вид, что не понимаю.

Он уставился на меня. Я опустил глаза. Ирландец понял, что я знаю, о чем он говорит.

Разумеется, я знал, о чем он говорил. Директор хотел, чтобы я продолжал учиться в школе, расстался с Максом и упустил миллион баксов, которые мы собирались заработать грабежом, и все остальное. Он хочет, чтобы я получал помощь от социального агентства? Ха! Тогда все будут смотреть на нас свысока. Благотворительность, фи! Что хорошего в образовании? Я уже знаю все, что мне нужно. Я умею писать. Я знаю арифметику. Я могу читать. Я умный. Я работаю своей башкой. Поэтому-то меня и прозвали Лапшой. Потому что я умный. Да, у меня будет очень острый нож. Нож моих специальных знаний. О’Брайен стоял передо мной с суровым выражением лица.

– Я обращаюсь в агентство социальной помощи, чтобы оно помогло вам, и вы продолжите учебу. – Он сказал это утвердительным тоном.

Я встал. Я чувствовал себя героем, как Натан Хэйл.

– Я не хочу вашей благотворительности и не нуждаюсь в ней. Я ухожу из школы.

Он был чертовски хороший парень. Мне стало его жаль. Он заботился обо мне, обо всех ребятах.

– Ну ладно, хорошо, это все, сынок. – Директор похлопал меня по спине.

Я направился к двери. Потом повернулся и сказал:

– Так я смогу забрать свои бумаги?

Директор не ответил. Он просто смотрел на меня и безнадежно вздыхал.

Я настаивал:

– Они мне нужны, мистер О’Брайен.

Он печально кивнул:

– Вы их получите.

Мои друзья ждали меня внизу.

– Чего от тебя хотел этот старый идиот? – спросил Макси.

– Ничего особенного. В основном он говорил с самим собой. Хотел, чтобы я остался в школе.

Косой достал из кармана гармонику. Мы пошли вниз по улице, распевая песенку «Прощай, девочка из Кони-Айленда».

У Макси был приятный сильный баритон. Патси пел посредственным басом. Доминик все время срывался на фальцет, потому что у него ломался голос, а я считал, что у меня неплохой тенор. В любом случае, мы очень гордились своим уличным квинтетом.

Мы шли по улице и пританцовывали под музыку. Внезапно мы остановились, вытаращив глаза: перед нами стоял величайший человек в мире. В наших глазах он значил больше, чем для других детей Джордж Вашингтон. Этот человек смотрел прямо на нас.

– Привет, малышня, – сказал он.

Мы замерли в благоговении. Макси всегда был у нас самым смелым. Он ответил:

– Привет, Монах.

Да, это был Монах, самый крутой парень в Ист-Сайде, а по нашим представлениям – и во всем мире.

– Мне нужна от вас одна услуга, детки.

– Все, что скажешь, Монах, – ответил Макс.

– Ладно, пошли за мной. – Он махнул нам рукой.

Мы последовали бы за своим героем прямо в ад, стоило ему сказать хоть слово. Он привел нас в бар на Ладлоу-стрит, где за пенным пивом сидела дюжина здоровенных парней.

Монах засмеялся и сказал им:

– Как вам нравится моя новая банда?

Они посмотрели на нас с улыбкой.

– Крутые парни, ничего не скажешь, Монах. Не хотите пивка, пацаны? – сказал один из них.

Это был первый раз, когда мы пили пиво. На вкус оно оказалось ужасно, но мы осушили все до дна, чувствуя легкое головокружение и большую гордость.

Монах Истмен объяснил нам, что он хочет. Мы получили по две бейсбольные биты и договорились встретиться с ним и его бандой в парке на Джексон-стрит. У шайки ирландцев было обыкновение навещать в этот парк и беспокоить старых евреев, которые устраивали там собрания. Но теперь ирландцев ждал сюрприз, для чего Монах собрал самых главных людей со всего Ист-Сайда. Это была команда звезд бейсбола, и она состояла из самых крупных игроков обеих лиг. Кроме Монаха, здесь находились малыш Дроппер, Пулли, Эби Кочан, Большой Луи, Безумный Иззи – все крутые ребята.

Если бы Монах и его люди на глазах у всех потащились с битами в парк, их наверняка накрыла бы полиция и засекли ирландцы. Поэтому он и обратился к нам.

Монах и его ребята просочились в парк по одному, сделав вид, что друг с другом не знакомы. Они расселись по лавочкам вместе со своими старшими братьями по вере, вынули из карманов еврейские газеты и зарылись в них с головой, так чтобы никто не мог их узнать. Мы стояли неподалеку и держали биты наготове. Ждать пришлось недолго. Мы увидели, как со стороны прибрежной части парка появились ирландцы – около пятнадцати дюжих парней с дубинками в руках.

Ближе всех к приближавшейся толпе оказался Эби Кочан. Эби славился своей огромной головой, которая, однако, вовсе не была мягкой, как капуста, а, наоборот, твердой, как скала. Самый большой парень из ирландской банды подошел к Эби и прорычал:

– Ну-ка, чеши отсюда, сопляк. Проваливай из парка, пока цел, чертов ублюдок.

Эби медленно поднялся с лавочки, будто собираясь отступить. Потом, наклонив голову, он кинулся вперед, как бык. Мы не ждали никаких сигналов от Монаха. Мы сами помчались к нему с битами. Монах и его люди повскакали с лавочек. Каждый выхватил у нас по бите, и началась бойня. Мы наблюдали за ней со стороны, приготовив на всякий случай камни. Если бы где-нибудь показалась голова ирландца, мы впятером вполне могли бы вывести его из строя. Нам было очень весело.

Именно здесь мы в первый раз увидели Трубу, Джейка Проныру и Гу-Гу. Макси раньше всех заметил что-то странное. Трое ребят примерно нашего возраста то появлялись, то исчезали в самой гуще схватки. Макс сказал мне:

– Посмотри на этих двух еврейских мальчишек и на того ирландца. Они работают вместе. Они здесь что-то проворачивают, это точно.

В тот момент троица пареньков была в самой середине одной из дерущихся куч; потом они выскочили оттуда и нырнули в другую группу.

Я сказал:

– Ребята не дерутся; тогда что они там делают?

Макси пожал плечами.

Наконец приехал фургон с сиреной, и копы в высоких твердых шлемах начали размахивать дубинками. Все, кто мог, разбежались.

Макси и я подобрали по бите. Макс крикнул остальным, чтобы следовали за нами, и мы бросились догонять двух еврейских мальчиков и ирландца. Мы загнали их в угол у Ист-Ривер. Ирландский пацан едва переводил дух, но при этом улыбался.

– Может, не станем драться? Будем друзьями? – произнес он с сильным ирландским акцентом, потом протянул руку и представился: – Меня зовут Труба, а это двое моих парней – Джейки Проныра и Гу-Гу.

Джейк, тоже улыбаясь, протянул руку и сказал с заметным еврейским акцентом:

– Рад с вами познакомиться, ребята.

Макси занес для удара битой и сказал:

– Идите вы в задницу со своей дружбой. Лапша, проверь у них карманы.

Я передал свою битой Патси. Он держал ее наготове, пока Доминик и я шарили у них по карманам. Содержимое этих карманов нас удивило. Обыскав всех троих, мы нашли три бумажника и четверо часов с золотыми цепочками. Мы вынули из бумажника деньги, всего около двадцати шести долларов. Макси отдал по два доллара Трубе, Джейку и Гу-Гу. Потом, подумав немного, он дал каждому еще по баксу.

Джейк Проныра был высокий паренек. Труба, наоборот, низенького роста. Гу-Гу – толстяк с огромными выпученными глазами. Парни выглядели настолько разными, что я нашел такую комбинацию забавной. Потом, узнав их поближе, я обнаружил, что внутри все они были одинаковыми. Ребята являлись эмигрантами, – эмигрантами из разных стран, но с одним и тем же ехидным юмором и природной склонностью к воровству.

Но тогда мы стояли кружком вокруг Трубы и слушали, как он разглагольствует о своих подвигах. Это была наша ошибка. Уайти, коп, появился неожиданно. Он огрел Джейка по спине дубинкой.

– Вы – та самая мелюзга, о которых говорил один из арестованных. Ну-ка, давайте сюда бумажники и часы.

Он обыскал наши карманы и забрал все наши приобретения.

– А теперь проваливайте, пока я вас не арестовал, – сказал коп и мрачно потопал прочь.

– Вот чертов Уайти, – с досадой произнес Макси. – Жулик каких поискать. Готов поспорить, что он не собирается все это возвращать. Он оставит все себе.

– А ты как думал? – произнес я саркастически. – Ты разве не знаешь, что все вокруг жулики? Что каждый нарушает закон?

– Что верно, то верно, – сказал Макси.

– Ясно, Лапша прав, – согласился Патси. – Все кругом воры.

Мы уже вышли из парка.

– Надеюсь, еще увидимся, парни, – улыбнулся нам Труба.

Он, Джейк и Гу-Гу направились в сторону Брум-стрит.

– Заходите к нам, ребята! – крикнул я им. – Нас можно найти в кондитерской Джелли на Деланси-стрит.

– Хорошо, мы к вам заглянем! – крикнул в ответ Джейк Проныра.

Мы пошли вниз по улице. Неприятный эпизод с Уайти был уже забыт.

Стоял полдень пятницы. Солнце, люди, улицы – все в середине пятницы выглядело другим. Мы были счастливы и беззаботны. Перед нами – целая вечность: два свободных дня, два чудесных дня без школы. Я был голоден, а сегодня вечером меня ждал самый сытный за неделю ужин – единственный, когда можно наесться по-настоящему. Не черствый хлеб, натертый чесноком и запитый жидким чаем. Мама сегодня что-нибудь испечет. Вечером будет горячий свежий хлеб и вкусная рыба с хреном. Во рту у меня уже стояла слюна. Я облизывал губы, предвкушая удовольствие. Господи, как я был голоден! Но, похоже, не я один.

Косой перестал играть на гармонике и сказал:

– Как насчет того, чтобы сходить в булочную Йони Шиммеля и что-нибудь купить?

Патси спросил:

– У кого есть деньги? У тебя есть деньги?

– У меня есть цент, который не забрал Уайти, – ответил Косой.

– У кого-нибудь еще есть деньги? – Макс взял у Хайма его монетку.

Доминик вытащил два цента из своего потайного кармашка. У остальных ничего не было.

– Мы купим одну булочку за два цента и пакетик орешков за цент.

Купив хлеб и горячий нут, мы встали на углу улицы, где каждому досталось по куску булки и по несколько орешков. Вкус у них был чудесный, но от этого мы стали только голоднее. Мы пошли по Садовой улице, где разносчики товаров уже собирали свои лотки, чтобы пораньше прийти домой к Дню отдохновения. Они смотрели на нас с опаской. Они нас уже знали. После нескольких сложных маневров Макс и Патси изловчились стянуть для каждого по апельсину. Когда мы убегали, разносчики кричали нам вслед ругательства:

– Бандиты, чтоб вам пусто было!

Поделив апельсины, мы направились на Деланси-стрит, где находился мой дом.

– Смотри-ка, это Пегги, Пегги Бумеке, – взволнованно прошептал Косой.

У нашего подъезда, лениво прислонившись к двери, стояла светловолосая Пегги – дочь дворника и нимфоманка.

– Привет, ребята! Дай мне кусочек твоего апельсина, Лапша! – крикнула она мне.

– Я дам тебе кусочек своего апельсина, если ты дашь мне кусочек своей...

Патси не закончил фразу; он стоял, улыбаясь и с надеждой глядя на нее.

– Ну ты и нахал. – Она хихикнула, довольная этим предложением. Тем не менее Пегги его отшила. – Позже, птенчик, не сейчас. И не за апельсин – принеси мне пирожное, русскую шарлотку, если хочешь, чтобы я дала тебе кое-что взамен.

Проходя мимо Пегги, я ее ущипнул.

– Ох, Лапша, перестань, не здесь, лучше пойдем под лестницу, – прошептала она.

Я был очень молод. Я сказал:

– Нет, сейчас я голоден.

Макс бросил мне вдогонку:

– Встретимся после ужина у Джелли, Лапша.

– Я приду! – крикнул я в ответ.

Я бегом промчался по пяти пролетам скрипучей лестницы и влетел в нашу темную и тесную квартирку. В ней стоял чудесный запах пекущегося хлеба.

– Ужин готов, мама? – завопил я, швырнув в угол учебники.

– Это ты, мой мальчик, мое золотце?

– Да, ма, я спрашиваю – ужин готов?

– Что ты спрашиваешь?

– Я спрашиваю, ма, – ужин готов?

– Да, да, он готов, но подожди, пока твой отец и братья вернутся из синагоги, и я зажгу праздничные свечи.

– Я голоден, ма. Почему я должен ждать твоих свечей и папы?

– Потому что, если бы ты был как твой папа и братья, ты бы не попадал все время в неприятные истории, и не ходил бы всегда таким голодным, и, может быть, хоть иногда думал бы о синагоге. – Мама испустила глубокий вздох.

– Я думаю о еде и о том, чтобы делать деньги, большие деньги, мама, – миллион долларов.

– Миллион долларов? Это очень глупо, сынок, поверь мне. Миллион долларов – это для миллионеров; а для бедных людей есть синагога. А теперь не мешай, пожалуйста, – мне надо закончить со стиркой, чтобы мы могли принять ванну перед Днем отдохновения. И не забудь напомнить – я должна вымыть тебе голову с керосином.

– Ма, а папа занял денег, чтобы заплатить за квартиру?

Я услышал, как мама снова глубоко вздохнула:

– Нет, сынок.

Я взял «Робин Гуда», которого одолжил мне Макси, и стал перечитывать его заново. Я был ненасытным читателем. Я мог читать все, что попадалось мне под руку.

Я слышал, как мама энергично трет одежду, замоченную в ванной. Дневной свет начал постепенно меркнуть. Скоро читать стало трудно. Я чиркнул спичкой и взобрался на кресло. Я попытался включить газ, но в лампе его не было. Я крикнул:

– Ма, у нас нет газа!

Она тяжело вздохнула:

– Я весь использовала, чтобы выпечь хлеб и нагреть воду для стирки.

– Брось в счетчик четвертак, ма, я хочу читать.

– Не могу, сынок.

– Почему, ма?

– Сегодня вечером у нас будут свечи.

– Но я не могу читать при свечах.

– Прости, сынок, но больше тратить нельзя. Я заправлю лампу завтра вечером. Может быть, так мы сможем дотянуть до следующей недели.

Я хлопнул дверью и отправился в туалет, который находился в коридоре: им пользовались все шесть семей, живших на нашем этаже. Мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к стоявшей в нем вони. В потайной нише за унитазом я держал коробочку с окурками, которые вылавливал в сточных канавах. Я выкурил три окурка, чтобы подавить аппетит. Я заметил, что на стене, где обычно висел на гвозде рулон оберточной бумаги, ничего нет.

– Кончилась бумага для дерьма, – пробормотал я.

Про себя я заметил, что надо достать немного бумаги на Атторни-стрит, где торговцы фруктами выбрасывали ее, когда разворачивали свои апельсины, или, как запасной вариант, стянуть телефонную книгу из кондитерской Джелли.

Я услышал приближавшиеся шаги. Я с надеждой ждал. Дверь туалета открылась. Да, это оказалась Фанни, она жила дальше по коридору. Фанни была моя ровесница.

– О, это ты! – воскликнула она, глядя на меня с приятным удивлением. – Почему ты не запираешь дверь, как принято? – Фанни кокетливо улыбалась.

Я отвесил насмешливый поклон:

– Заходите, заходите, как сказал паук мухе.

Она, улыбаясь, стояла в двери.

– Похоже, птенчик, ты не прочь потрогать меня своими невинными ручками?

Фанни хихикнула. Положив руки на свои широкие бедра, она стала покачиваться взад-вперед. Короткое тугое платье плотно обтягивало ее полную круглую грудь и всю маленькую пухлую фигурку. Это меня сильно возбудило. Я запустил руку за вырез ее платья. Я нащупал теплые гладкие молодые груди. Я слегка сжал ее соски. Она продолжала покачиваться с закрытыми глазами, прерывисто дыша.

– Ну как, это нравится твоим сиськам, Фанни? – прошептал я.

Фанни открыла глаза. Она улыбнулась:

– Сиськи – это то, что дают малышам, чтобы они сосали молоко, а не то, чем играют мальчишки.

– Входи, – прошептал я в возбуждении, – я запру дверь, и мы с тобой поиграем. – Я потянул ее за руку.

Она подалась назад:

– Сначала сходи к Джелли и купи мне русскую шарлотку.

– Кто тебя этому научил? Пегги? – проворчал я.

Фанни хихикнула.

– Ну что, купишь мне пирожное? А если принесешь два, я позволю тебе поиграть у меня между ногами.

– Да, да, – задыхался я, – я куплю тебе целую коробку шарлоток.

Она засмеялась, услышав мой прерывавшийся голос. Я обхватил ее за мягкие большие ягодицы и притянул к себе. Мне почти удалось закрыть дверь. В это время с другого конца коридора донесся глубокий рев, похожий на мычание коровы, зовущей своего теленка.

– Фанни, Фанни, скорее, я тебя жду.

Фанни прошептала:

– Это мама. Мы собираемся идти на ужин к моей тете Рифке. Дай мне пройти. Я позволю тебе поиграть со мной в другое время.

Мне не хотелось ее отпустить. Я был слишком возбужден.

– Пожалуйста,пусти меня. Я хочу писать, – сказала она. – Если не отпустишь, я напущу себе в штанишки.

Я выпустил ее из рук. Она задрала платье, спустила штанишки и села на унитаз. Я с отвращением ушел. Я решил, что она слишком вульгарна.

Я спустился вниз в надежде встретить Пегги. Я посмотрел в подвале. Проверил все туалеты на каждом этаже. Даже на крышу заглянул. Ее нигде не было. Разочарованный, я вышел на крыльцо и стал смотреть на девушек и отпускать непристойные замечания, когда они проходили мимо.

У подъезда появился запыхавшийся Макси. Он махнул мне рукой:

– Пошли, Лапша.

Я сбежал по ступенькам и поспешил за ним.

– Что случилось, Макс?

– Идем, нас ждет мой дядя на Пирс-Эрроу.

– Твой дядя повезет покойника на катафалке? – обрадовался я.

– Да, мы поедem в Гарлем. На Мэдисон-авеню. Надо ему помочь. Подвернулась неожиданная работенка.

В похоронное бюро мы прибежали, едва переводя дыхание, и как раз вовремя, чтобы помочь дядюшке Макса поднять борта его катафалка. Мы с гордым видом уселись на большие передние сиденья. Пустив экипаж трусцой мимо парка по Пятой авеню, дядя Макса указывал нам на стоявшие вдоль улицы богатые дома.

При этом он отпускал саркастические комментарии:

– Смотрите-ка, ну точь-в-точь такие же, как в Ист-Сайде. Наверное, и этим беднякам в их домах тоже не хватает еды вдоволь.

Его замечание напомнило мне о моем хроническом голоде. Я прошептал Максy:

– Может быть, мы раскрутим твоего дядюшку на несколько хот-догов или что-то в этом роде?

Макси в ответ закивал и подмигнул. Он подтолкнул меня локтем:

– Когда-нибудь мы сможем купить себе много хот-догов.

– Мне уже не терпится, – сказал я.

– Что, ребятки, хотите получить парочку хот-догов? – усмехнулся дядюшка Макси. – Ладно, я понял намек, но сначала надо забрать покойника.

Когда, погрузив покойника, мы возвращались обратно в Ист-Сайд, дядя Макси остановился у фургончика с хот-догами и купил нам по два франкфуртера. Мы разлеглись на катафалке, поглощая угощение. Обернувшись, дядя Макси ради шутки протянул нам сигары. К его удивлению, мы их взяли, закурили и пыхнули дымом. Он разразился довольным смехом:

– Ну, детки, с вами все в порядке.

Мы помогли ему перенести тело во двор похоронного бюро.

– Спасибо, мальчики. – Он снова засмеялся и поправил себя: – Нет, спасибо, парни. – И протянул каждому по четвертаку.

Макси сказал:

– Были рады помочь вам, дядюшка. Дайте мне знать, если мы снова вам понадобятся.

Дядя с любовью взглянул на Макса:

– Когда вырастешь, станешь большим человеком. – Он одобрительно похлопал его по спине.

– Спасибо за поездку и за все остальное, – сказал я.

– Не за что. Пока, ребята. – Дядя Макси с улыбкой посмотрел нам вслед.

Мы вошли в кондитерскую Джелли, пыхтя сигарами и чувствуя себя важными людьми. Патси, Доминик и Косой уже находились там и ждали нас. Патси крикнул:

– Эй, крутые парни, где вы были?

Макси бросил свой четвертак на прилавок и сказал:

– Лимонад и пирожные на всех.

За прилавком в грязном фартуке, обернутом вокруг широкой талии, стоял сын Джелли, Толстяк Мо. Он подобрал монету и стал внимательно ее рассматривать.

Патси сердито фыркнул:

– Ты что там рассматриваешь, Толстяк?

Мо пробормотал извиняющимся тоном:

– Ничего, Пат, ничего.

– Отлично, тогда тащи скорее лимонад.

Мы сидели на стульях и с шумом всасывали мягкий крем с русских шарлоток. Мы глазели на электрическую машину для взбивания коктейлей – это была сенсационная новинка для Ист-Сайда.

В дверях появились Джейк Проныра, Гу-Гу и Труба, наши новые друзья с Брум-стрит. Мы обменялись приветствиями.

Джейк спросил:

– Ну что, ребята, не хотите послушать хорошие стихи?

– Стихи? – с сомнением переспросил Макси. – Ты что – поэт?

– У Джейка всегда есть новые стихи и шутки, – сообщил Труба. – Он сам их придумывает.

– Да, грязные штучки, – подтвердил Гу-Гу. – Но классные.

– Такие стоит послушать, – согласился я.

– Ладно, валяй. – У Макса был скучающий вид.

Мы развернулись на стульях, повернувшись лицом к Джейку. Он встал перед нами в позу. С улыбкой на чумазом лице он продекламировал:

Хорошая девочка сказала плохой:

«Хорошей быть трудно, боже ты мой».

Плохая хорошей ответила вдруг:

«И мне было трудно, мой друг».

Он остановился. Он ждал нашего одобрения.

– Это все? – спросил Макси.

– Да. Вам понравилось? – с надеждой спросил Джейк.

– Дерьмо, – ответил Макси.

Джейк выглядел совершенно убитым.

Труба предложил:

– Попробуй свою шутку, Джейк.

Тот воспрянул духом и снова обнадеженно заулыбался.

– Что общего между Ист-Ривер и женскими ногами?

Никто из нас не знал ответа.

– Чем выше поднимаешься, тем лучше.

Он улыбнулся нам, пытаясь прочесть одобрение на наших бесстрастных лицах.

Мы стали молча прихлебывать лимонад. Труба заметил на прилавке коробку с пирожными. Они втроем поспешили к ней.

Толстяк завопил:

– Эй, ребята, уберите руки. У вас есть монеты?

Труба вытащил долларовую купюру. Джейк Проныра взял ее у него из рук и помахал в воздухе.

Он обратился к нам:

– Ребята, не хотите еще пирожных?

Мы взяли по две штуки на каждого.

Макс спросил:

– Откуда у вас зелень, пацаны?

– Труба обработал одного пьянчугу на Бауери-стрит.

Джейк с гордостью обнял Трубу за плечи.

– А, он был тьюфак, – скромно сказал коротышка Труба. – Я стянул у него еще вот это.

Он показал большой нож.

Я вспомнил про О'Брайена и его нож «специальных знаний», который нужен для достижения успеха. Я увидел в этом что-то вроде знамения. Такой нож должен принадлежать мне. Я должен иметь его у себя. Он даст мне магическую власть, подумал я.

– Можно мне посмотреть, Труба?

Он протянул его мне. Это был нож на пружине и с кнопкой, немецкого производства. Он издал чудесный звук, и из рукоятки выскочило широкое сверкающее лезвие. Тут не могло быть никаких вопросов. Этот нож должен стать моим. Я продолжал открывать и закрывать его под носом у Трубы. Он встревоженно пятился назад.

Макс посмотрел на меня. Он сказал:

– Тебе нравится эта штука, Лапша? Хочешь оставить ее у себя?

– Да, классная вещица.

– Ну так оставь себе, она твоя. Правда, Труба?

Макс повернулся со сладкой улыбкой к Трубе и Джейку Проныре. Они поняли, что улыбочка Макса и мое поведение ничего хорошего им не предвещают. Патси приблизил лицо к Трубе и прорычал:

– Ты ведь подаришь его Лапше, правда, Труба?

Доминик и Косой стояли у них за спиной, готовые к действию. Я продолжал смотреть на Трубу и пощелкивать лезвием возле его горла. На мгновение в кондитерской Джелли воцарилось напряженное молчание. Наконец Джейк нарушил его добродушным смехом:

– Конечно, возьми его себе, Лапша, все равно он слишком большой и слишком опасный для такого коротышки, как Труба.

Я отошел к полке с книжками, разглядывая и поглаживая лезвие ножа. Оно было красиво. Заточенное с обеих сторон, узкое и острое наверху. В длину лезвие было не меньше шести дюймов. При нажатии на кнопку оно выскакивало из шестидюймовой рукоятки. Это было замечательное оружие. Оно удобно помещалось в кармане брюк. Мой взгляд скользнул по соблазнительным названиям книг, завернутых в бумажные обложки. Они гипнотизировали именами Ника Картера, Даймонда Дика, всевозможными вестернами. Я пролистал «Бедняк разбогател» Горацио Элджера, не зная, как лучше поступить – купить эту книгу или потратить четвертак, который дал мне дядя Макси, на газ для своей домашней лампы. Я подумал, что если куплю газ, то смогу читать весь вечер дома.

Толстяк Мо подошел ко мне и прошептал:

– Давай, Лапша, спрячь книжку к себе в карман, пока не появился мой старик. Только не очень ее мни, а завтра утром принесешь обратно, ладно?

Благодарный и обрадованный, я незаметно положил «Бедняка» в карман и сказал:

– Я буду обращаться с ней бережно. Спасибо, Мо, завтра утром я ее верну.

Я почувствовал, что мне больше нечего желать. У меня был четвертак для газа, новый нож и книжка, которую можно почитать вечером.

– Ладно, ребята, – сказал Макси, снимая с себя галстук и пиджак, – пора приступать. Не хотите к нам присоединиться?

Он повернулся к Джейку, Трубе и Гу-Гу.

– А что вы собираетесь делать? – спросил Джейк.

– Мы собираемся устроить бег на длинную дистанцию, – ответил Макс.

– Нет, это не для нас, – сказал Джейк. – Еще увидимся.

Они ушли.

Мы последовали примеру Макси, сложив одежду на стульях. Выбежав трусцой на улицу, мы начали нашу ежедневную длинную пробежку. Макси держался впереди всех, задавая темп. Во время упражнений он становился спартанцем.

– Когда мы вырастем, это войдет в привычку, у нас будут мускулы и хорошее дыхание, и мы станем крепкими, как гвозди.

Мы трусили по улице компактной группой позади Макси и его длинных ног. Кварталов через десять пухлый Доминик, задышавшись и отдуваясь, прокричал:

– С меня хватит, Макс. Я совсем выдохся.

Макси повернул голову, его дыхание почти не участилось.

– Твоя проблема, Домми, в том, что ты ешь слишком много спагетти. Когда-нибудь ты об этом пожалеешь.

Доминик отстал. Мы продолжали бежать, меняя темп, – ускоряли бег в одном квартале и замедляли в следующем. Улица спускалась вниз, в финансовый район. Мы остановились, чтобы передохнуть у тротуара. Перед нами стояло огромное здание. Окна в нем были закрыты тяжелыми железными ставнями. Входная дверь блестела прочной сталью.

Патси заметил:

– Похоже на тюрьму.

– Здесь нет никаких тюрем, – сказал я.

Патси спросил:

– Откуда ты знаешь?

Макси засмеялся:

– Не спорь с Лапшой. Он все знает. Он и сам это признает.

– Да, – улыбнулся я. – У меня башка варит.

– Ты хочешь сказать, что у тебя вместо головы котел, да, Лапша?

Все засмеялись, и я тоже.

Макси обратился к прохожему:

– Эй, мистер.

Человек остановился:

– Да?

– Что это за здание – тюрьма?

Мужчина улыбнулся:

– Тюрьма? Нет, это место, где хранят деньги.

Патси заинтересованно спросил:

– Много денег?

– Пожалуй, да. – Прохожий забавлялся. – Несколько миллионов. Это Федеральный резервный банк.

Улыбнувшись, он пошел дальше.

Макси подошел ближе к дому и попытался заглянуть в него. Вернувшись, он сказал:

– Когда-нибудь мы обчистим это местечко. Как думаешь, Лапша?

– Я не против, но мне кажется, это будет трудная работа. По-моему, место очень крутое.

Как ты собираешься его ограбить?

Макси ответил:

– Не волнуйся, когда придет время, я придумаю как.

Я посмотрел на Макси. Он разглядывал здание. Мне вспомнилась картинка, которую я однажды видел, – мышшь с вызовом смотрит на слона.

Он пробормотал:

– За миллион баксов я расколю это заведение.

Мы пробежали весь обратный путь до кондитерской Джелли. Доминик стоял снаружи, разговаривая с симпатичной брюнеткой, сестрой Толстяка Мо, неприступной Долорес. Втайне мы все ее обожали. Через левое плечо у нее висела пара танцевальных туфель. Увидев нас, она холодно улыбнулась. Приветливой Долорес была только с Косым.

– Привет, Хай, – сказала она. – Не хочешь сегодня мне поиграть, пока я буду заниматься?

– Конечно, Долорес, с удовольствием. – Косой весь сиял от радости. – Для тебя сколько хочешь, сколько хочешь, сколько хочешь, – говорил он без остановки.

Они отправились в заднее помещение кондитерской. Мы последовали за ними и стали смотреть, как Долорес переобувается и приступает к танцам. Она симпровизировала несколько па под музыку Косого. Движения ее тела вызвали у меня дрожь. Я неотрывно следил, как она била ногой об ногу и делала легкие и грациозные пируэты, описывая круг за кругом. Спустя некоторое время Долорес остановилась, чтобы перевести дыхание. Она присела и стала разговаривать с Косым.

Макс позвал ее:

– Эй, Долорес.

Она обернулась и холодно взглянула на него.

– «Эй» говорят лошадям. С кем, по-твоему, ты разговариваешь – с Пегги? Я не привыкла, чтобы ко мне обращались таким тоном.

Долорес повернулась к нему спиной и продолжала беседовать с Косым. Внутри меня пробежал трепет наслаждения. Это был первый раз, когда я с болезненной остротой почувствовал прилив страстного влечения к Долорес и одновременно гордости за нее. У меня возникло чистое и возвышающее чувство, совсем не похожее на то, что я испытывал к Пегги или другим своим соседкам, которые нравились мне раньше. Глядя на надменное изящество, с которым Долорес сидела перед нами в кресле, я почувствовал, что она похожа на танцующего ангела, – нечто утонченное и неземное. Да, мне все стало ясно. Я любил Долорес.

Я улыбнулся и подошел к ней:

– Что это был за танец? Как он называется?

Она высокомерно взглянула на меня через плечо:

– А я думала, ты знаешь все. Это был «говорящий» танец. Ты вовсе не такой умный, каким тебя считают.

Я стоял перед ней молча, с покрасневшим лицом, не находя достойного ответа.

Косой сообщил:

– Долорес занимается, чтобы стать профессиональной танцовщицей. Когда-нибудь она будет звездой в бродвейском шоу.

Он постучал гармоникой по ладони. Потом в быстром темпе заиграл «Да, сэр, она – моя малышка».

Долорес снова закружилась посреди комнаты, двигаясь в такт музыке. Внимание, проявленное ею к Косому, почему-то нисколько меня не беспокоило. Макси – вот кто вызывал у меня ревность. Пока она танцевала, он потихоньку подобрал ее туфли и забросил их за скамейку.

Наконец Долорес закончила, улыбнулась Косому и сказала:

– Большое спасибо, Хай. Ты замечательно играешь на гармонике.

Косой вспыхнул и что-то пробормотал. Она стала рассерженно искать свои туфли. Я залез за лавку, вытащил их оттуда и протянул ей. Девочка не поняла, что произошло. В ее взгляде была ярость. Она надела туфли, не сказав ни слова. Я готов был убить Макса. Долорес вышла из комнаты, высоко вскинув голову и сверкая зелеными глазами.

Убитый, я молча вышел на улицу. Я встал в дверях, чувствуя, что весь мир рушится вокруг меня. Долорес значила для меня так много, а Макс поссорил меня с ней.

В мое мрачное настроение ворвался миролюбивый голос:

– Хочешь «Доброго капрала», Лапша?

Макс протянул мне сигарету. Я принял от него это предложение мира.

Мы стояли и курили. На улице показался мистер Джелли.

Подойдя к двери, он сказал, понизив голос:

– Ну что, мальчики, принесете мне что-нибудь завтра утром?

Макс кивнул и сказал:

– Конечно, разве мы всегда не снабжаем вас утренними газетами?

Джелли похлопал Макси по щеке:

– Принесите мне завтра пачку «Тагенблатт», ладно?

– Ладно. – Макс подтолкнул меня локтем. – Завтра встанем пораньше, Лапша.

Я кивнул:

– Во сколько?

– Около половины пятого я буду ждать тебя на углу.

– Я приду.

Мы продолжали стоять, чувствуя, что нам трудно вести разговор.

Мы заслоняли дверной проем. Появился новый посетитель. Мы с уважением посторожились перед хорошо одетым, усатым Профессором. Нас охватил трепет гордости и удовольствия, когда он одарил нас доброжелательной улыбкой.

– Как дела, ребята?

– Хорошо, Профессор, – ответил Макс.

– Отлично, Профессор, – отозвался я.

– Подождите меня, мальчики, я сейчас выйду.

Макс сказал:

– Конечно, Профессор.

Мы увидели, как он вошел в телефонную будку.

– Вот головастый мужик, у него мозгов хватает. – Макс был преисполнен восхищения. – Только неделя как вышел из тюрьмы, но я готов побиться об заклад, что он уже снова промышляет джанком³. Умный итальяшка. Интересно, где он берет зелье? – задумался Макс.

– У него есть связи. Я думаю, Профессор привозит его из-за границы. В нашей стране это не растет, – сказал я важным тоном всезнайки.

– Откуда он его привозит, Лапша? Из Италии?

– Может быть, из Италии, а может быть, из Китая. Китайцы часто его курят, я где-то об этом читал.

– Зачем люди курят опиум?

– Это вызывает у них приятные грезы.

– Сладкие грезы о девочках? – усмехнулся Макс.

Мы оба засмеялись. Я сказал:

– Я был бы не прочь как-нибудь выкурить трубочку этого зелья.

– Я тоже. Как говорится, оттянуться по-настоящему. Верно, Лапша?

Я кивнул и улыбнулся.

Профессор вышел, куря большую сигару.

– У меня есть для вас работа, парни, идите вслед за мной, – сказал он тихо.

Мы последовали за ним. Он обогнул угол и вошел в темный складской полуподвал. Профессор держал дверь приоткрытой, пока мы не подошли, и задвинул ее за нами на засов. Мы прошли вслед за ним сквозь темноту в заднюю комнату. Он чиркнул спичкой и зажег газовую лампу. У Профессора была хорошо оборудованная мастерская со столярным инструментом, ручной дрелью и небольшим механическим штамповальным прессом в углу. Я заметил на столе маленький точильный брусок. Я сунул его в карман, когда Профессор повернулся к нам спиной. На верстаке лежал большой деревянный ящик с открытой крышкой. Внутри него были видны колесики и шестеренки. Ящик имел прорези на передней и задней стороне и две ручки по бокам. Макс и я подошли к нему поближе. Он был тщательно отполирован и выглядел неуместным в этом грязном помещении. Профессор стоял, глядя на нас и покручивая ус.

– Что это? – Макс кивнул на ящик.

– Это? – У Профессора был лукавый вид. Он захлопнул крышку и сказал: – Давайте я продемонстрирую вам новое изобретение, которое должно быть в каждом доме.

Он покрутил ручку, шестеренки в ящике начали вращаться, и из прорези перед нашим изумленным взором появился десятидолларовый банкнот. Он отошел в сторону и сказал:

– Ладно, давайте пока забудем про эту машину. Вот что мне от вас нужно, парни... – Профессор остановился. Он стоял, глядя на нас и покручивая свои гладкие усы. – Думаю, вы, ребята, не откажетесь заработать немного денег, правда?

Я сказал:

– Разумеется, Профессор, мы для этого сюда и пришли.

Он посмотрел на нас серьезно:

– Я знаю, что вы умные ребята, и могу быть уверен, что ваши рты останутся на замке, так?

Мы оба эхом ответили:

– Так.

Он улыбнулся, показав крупные белые зубы.

– Прекрасно, прекрасно, вы хорошие парни, как раз такие, каким я могу доверять. Я не стал бы обращаться к кому-нибудь другому, потому что большинство молодых людей любит болтать. А теперь – вот зачем я вас сюда позвал: вы знаете, где находится Мотт-стрит?

– Да, Профессор, – гордо ответил Макси. – Лапша знает этот город, как по книжке.

– Мотт-стрит в Чайнатауне, – сказал я.

³ Джанк – наркотик (амер. сленг).

– Верно.

Он достал из ящика маленький круглый шарик, похожий на оконную замазку.

– Положите это к себе в карман. Отнесите в магазин по адресу, который я укажу. Просто положите на стол и сразу уходите. Это все, что нужно сделать. Согласны? – Профессор заставил нас несколько раз повторить адрес магазина, пока мы его не запомнили. – Будьте осторожны с этой штукой. Она очень дорогая, и с ней нельзя играть.

Макси кивнул:

– Да, Профессор, мы знаем, что это такое.

Профессор вопросительно поднял брови.

– Джанк, – сказал я.

Профессор усмехнулся. Он похлопал меня по спине:

– Умный мальчик. Я подожду вас здесь и дам каждому по доллару, как только вы вернетесь.

Оказавшись в Чайнатауне, мы без труда нашли магазин. Когда мы открывали дверь, мимо прошел, помахивая дубинкой, полицейский, который не обратил на нас никакого внимания. Мы вошли внутрь, висевший над дверью звонок издал слабый надтреснутый звук. При тусклом свете мы едва смогли разглядеть сидевшего за столом большого толстого китайца. Он со злобным видом уставился на нас. Я был рад, что в кармане у меня есть нож. Это давало мне чувство восхитительной уверенности. Я твердым взглядом ответил на его взгляд. Я погладил кнопку на рукоятке ножа. Мысленно я несколько раз вонзил лезвие в его толстую глотку, а потом располосовал ему лицо.

Произошла странная вещь: я увидел, как глаза китайца наполнились страхом. Я мог поклясться, что он знал, о чем я думаю. Я был в этом уверен. Он знал: все, что мне требуется, – сделать один шаг вперед. Своим волшебным выпрыгивающим лезвием я мог легко превратить его физиономию в мелкую крошку. В страхе он отвернул от меня белое вялое лицо. Я засмеялся и сплюнул на пол. Макс положил шарик на стол. Мы вышли.

– Над чем ты смеялся, Лапша?

– Над китайцем.

– Китайцы не любят, когда над ними смеются.

– Я мог бы справиться с этим узкоглазым, да и с любым другим тоже, – сказал я хвастливо.

Макси взглянул на меня с любопытством:

– Это был большой китаец.

Я пожал плечами:

– Ну и что? Я бы укоротил его до своего размера.

Макси рассмеялся и похлопал меня по спине:

– Ах да, я забыл, у тебя теперь нож Трубы!

– Мой нож.

– Ну да, твой нож. Ты себя неплохо чувствуешь, когда у тебя под рукой есть такая вещь, верно, Лапша?

Я кивнул:

– Да, я чувствую себя так, словно кое-что собой представляю.

– Я и сам хочу найти себе что-нибудь в этом роде, – сказал Макси. Он подобрал с тротуара сигарный окурочек и засунул его в уголок рта. – В один прекрасный день я обзаведусь револьвером. Попрошу об этом Профессора.

Он протянул мне окурочек. Я несколько раз затянулся, потом вернул его обратно.

Профессор держал дверь открытой, пока мы спускались по лестнице в его жилище.

– Все в порядке? Вы его доставили? – спросил он встревоженно.

– Да, все в порядке, мы его доставили. – Макс сплюнул на пол. Он пыхнул своим сигарным окурком. Я холодно смотрел на Профессора.

Он рассмеялся и дал каждому по доллару.

– Вы, ребята, далеко пойдете, вы умеете работать с товаром.

– Да, Профессор, мы хотим делать деньги. Нам они нужны, – сказал я.

– Вы будете делать много денег, а я научу вас как.

– Еще бы, ведь вы – Профессор, – сыронизировал Макс.

Он усмехнулся и потер руки:

– Да, да, я могу научить вас, мальчишек, многим вещам, возможно, к нашей взаимной выгоде.

– Профессор. – Макс нерешительно топтался с ноги на ногу.

– Да, Макс?

– Вы не могли бы достать пару пушек для меня и Лапши?

– Пушек? – Профессор выглядел удивленным.

– Да, пару пушек – ну, вы знаете, револьверов.

– Да, Макс, я понял, что ты имел в виду. – Он покрутил ус. Потом внимательно посмотрел на нас. – А зачем они вам?

– Мы думаем, что когда-нибудь пушки нам смогут пригодиться.

– Для чего, например, и когда?

– Ну, для ограбления.

– И что ты собираешься ограбить, Макс?

Тот на мгновение заколебался. Потом он сказал:

– Понятное дело, мы хотим ограбить какую-нибудь лавочку.

– Что ж, давайте посмотрим. Может быть, я смогу дать вам несколько полезных советов.

Что вы будете грабить – кондитерскую Джелли?

– Нет, мы хотим взять Федеральный резервный банк, – внушительно заявил Макс.

Профессор повернулся к нам спиной и поднес ко рту носовой платок. Поначалу нам показалось, что он смеется. Но мы ошиблись. Он зашелся в глубоком кашле. Когда приступ закончился, Профессор извинился. Он вытер мокрые глаза.

– У меня скверный кашель; этот подвал не очень полезен для здоровья. А теперь насчет Федерального резервного банка. Для такого дела вы пока еще слишком молоды, ребята. Подождите несколько лет. Сначала вам надо поднабраться опыта на мелких ограблениях, вроде кондитерских и аптек, а потом можно будет переходить и к Федеральному резервному банку. Договорились, парни? – Он широко улыбнулся. – Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью.

– Вы сможете достать нам револьверы? – настаивал на своем Макс.

– Да, да. Я могу достать все, что угодно. Предоставь это мне, Макс. Они у вас будут, как только я решу, что вы для них созрели. Это вас устроит? Одна из вещей, которые вам надо усвоить, – не действуйте чересчур скоропалительно, ребята. – Он похлопал Макса по спине. – Как называется книга, которая лежит у тебя в кармане? – спросил у меня Профессор.

Я вынул книжку и показал ему. Он взглянул на нее неодобрительно, проворчал:

– «Бедняк разбогател». Это не слишком детская книга для мальчика твоего возраста?

Я пожал плечами.

– Любишь книги? – спросил Профессор, улыбаясь.

– Да, я люблю читать.

– Почему бы тебе не брать хорошие книги, ходить в Публичную библиотеку?

– Библиотека для сосунков.

Он рассмеялся:

– Ладно, вот что я тебе скажу, – я запишу тебя в свою библиотеку. Давай, заходи и выбери себе что-нибудь. – Профессор жестом указал на туалет.

– Ваши книги хранятся в туалете?

– Да, входи, не стесняйся, это самое лучшее место для библиотеки. Здесь можно по-настоящему сосредоточиться на том, что читаешь.

Я вошел в туалет. Обе стены от пола до потолка оказались покрыты книжными полками. У всех были незнакомые заглавия – «Воспитание Генри Адамса» какого-то парня по имени Йейтс и многие другие, о которых я никогда не слышал.

– Ну, нашел что-нибудь себе по вкусу? – крикнул мне Профессор.

Я заметил книгу, заглавие которой мне хоть что-то говорило – «Жизнь Джонсона» Босуэлла. Да, подумал я, это должно быть чертовски интересно. Все о чемпионе Джеке Джонсоне. Я вышел с этой книгой.

Профессор спросил:

– Что ты выбрал?

Я показал ему книжку. Он посмотрел на меня с сомнением.

– Ты уверен, что книга тебе понравится и ты сможешь ее понять?

– Шутите, – фыркнул я.

– Это слишком серьезная вещь для мальчика.

– Вы не знаете Лапшу, Профессор, он – умный парень. Самый большой умник на всей Деланси-стрит.

– Хорошо, Лапша, – сказал Профессор, – когда ты ее закончишь, я хочу знать, что ты об этом думаешь.

– Я обязательно вам расскажу.

Глава 2

– Мы с вами еще увидимся, – прошептал он нам вслед, когда мы поднимались вверх по лестнице.

Мы отправились обратно к Джелли.

Макси спросил:

– Что он там сказал насчет того, что нам надо усвоить? Не действовать скоропа... Как он сказал, ты не помнишь, Лапша?

– Скоропалительно?

– Да, точно – скоропалительно. Что он хотел этим сказать?

– Не слишком торопиться, ничего не делать необдуманно.

– Хороший совет. Профессор – умный парень. Да, сначала надо как следует все распланировать; я это не забуду.

Патси, Косой и Доминик стояли у дверей и ждали нас.

– Вы где были, ребята? – спросил Патси.

– Мы с Лапшой заработали по баксу на брата.

Макси вошел в магазин. Мы последовали за ним.

– Дай мне свой доллар, Лапша, – сказал Макси.

– Отдать тебе доллар? – Я заколебался. – Зачем?

– Мы все поделим поровну, – твердо сказал Макс.

Я неохотно отдал ему доллар. Он подошел к старику Джелли.

– Разменяйте, – сказал он, бросив на прилавок две купюры.

Макси разделил два доллара на пять частей. Я взял свои сорок центов с чувством разочарования. Макс ободряюще улыбнулся:

– Не вешай нос, Лапша, мы еще разживемся.

Он купил пачку «Доброго капрала». Мы вышли на улицу. Мы курили, насвистывали и отпускали непристойные замечания вслед проходившим мимо девушкам.

К нам подошел отец Доминика. Он вырвал у него изо рта сигарету и потащил его домой. Мы проводили их свистом.

Я увидел Долорес, которая смотрела из окна своей комнаты на той стороне улицы. Макси помахал ей рукой; она с треском захлопнула окно. Я стоял на тротуаре, мечтая о ней. Моя первая любовь. Я представлял, как на нее обрушиваются всевозможные беды и несчастья, как на улице к ней пристают какие-нибудь пришлые бандиты. В мечтах я отводил себе героическую роль ее защитника – себе и своему ножу. Потом мои мысли обратились к Пегги. Меня охватило странное и незнакомое волнение. Я подумал, не стоит ли она сейчас на своем месте. А может быть, мне удастся потискать пухленькую Фанни.

Я сказал: «Пойду дрыхнуть, пацаны» – и направился вниз по улице к своему дому.

– Чего это ты так заторопился? – крикнул мне вслед Макси. – Не забудь, Лапша, завтра утром в половине пятого.

Я ответил через плечо:

– Приду, не волнуйся.

Пегги у подъезда не было. Крадась, как кот, я просмотрел снизу доверху все лестницы и коридоры, надеясь найти ее или Фанни. Потом, чувствуя себя одураченным и неудовлетворенным, я поднялся по пяти пролетам лестницы в нашу темную квартиру. В ней было тихо. Вся семья уже спала.

Свечи потрескивали на кухне. На столе стояла тарелка с рыбой и свежий хлеб, которые мать заботливо оставила для меня. Голодный как волк, я набросился на еду и запил ее холодной водой из стоявшего в углу бака.

Я сунул четвертак в газовый счетчик и пошел к себе в спальню, где не было окна. Я зажег свет, разделся, столкнул своего посапывавшего братца на другой конец узкой железной кровати и раскрыл книгу, «Жизнь Джонсона» Босуэлла. Я открыл первую страницу. На ней оказалось предисловие, рассказывавшее о том парне, который написал эту книгу. Я его пропустил. Кому какое дело до автора? Я хотел знать все о чемпионе, о его схватках и о том, правда ли, что он имел связь со многими женщинами и был женат на белой. Я начал читать. Что это за дерьмо, подумал я. Книга была о каком-то парне по имени Сэмюел Джонсон, докторе.

Я с отвращением ее отбросил и взялся за «Бедняка» Элджера. Потом я вспомнил, как Профессор чуть не рассмеялся, узнав, какую книгу я себе выбрал. Он сказал, что я ее не пойму. Я, Лапша, не пойму, что написано в какой-то дрянной книжонке? Это был вызов. Я снова раскрыл книгу.

Мне пришлось пойти на кухню, чтобы взять с полки словарь. Господи, что за куча дерьма! Похоже, этот Джонсон только тем и занимался, что болтал о том о сем и больше ничего не делал. Я с трудом заставлял себя читать. Я заснул с включенной лампой.

Глава 3

Я проснулся как от толчка; газ все еще горел. Мой младший брат лежал на спине и сопел. Я столкнул его на другую сторону.

– Ты, дерьмовый сукин сын, погаси лампу, – пробормотал он.

Я выключил свет. Ощупью я пробрался на темную кухню и зажег газ. Было еще рано. Старый обшарпанный будильник показывал 3:30. Я был голоден, как всегда. Открыв окно, я посмотрел в жестяной ящик, который висел снаружи и служил нам вместо холодильника.

Там стояли несколько тарелок с рыбой и хлебом, предназначенные, очевидно, для субботнего и воскресного обеда. Я отрезал ножом тонкий кусок рыбы. Оторвал кусок хлеба, смахнул со стола тараканов и начал есть. Я думал о том, что собирается делать мой старик, чтобы расплатиться за жилье, и что он намерен делать, чтобы найти работу, прежде чем нас вышвырнут на улицу. Я размышлял, сколько месяцев нам еще осталось – два или три? Я думал о мерзком домовладельце, который заявлялся к нам разодетый в пух и прах и вопил об арендной плате. Я подумал, что, раз он носит в петлице цветок, значит, он гомик или что-то в этом роде.

Мой тюфяк папаша – почему он не может найти себе работу и принести в дом немного денег? Наверное, потому, что у этой старой развалюхи нелады со здоровьем; папаша только и делает, что болеет. Но какого черта он все время ходит в синагогу? Два часа утром и два часа вечером, и так каждый день. А по субботам он вообще оттуда не вылезает, сидит там вместе с другими старыми дурнями, все с бородами и в платках, целый день качаются взад-вперед, взад-вперед на своих молитвах и бормочут разную чушь себе в бороды. На кой черт это нужно? Бьюсь об заклад, их зануда рабби и сам не знает. Отцу следовало бы больше заботиться о том, чтобы найти работу, а не проводить время с безмозглыми стариканами. Нет, это не для меня! Я умный. Когда вырасту, меня туда не заманишь – уж лучше я буду воровать деньги. Господи, какого дьявола я сижу тут и ною? Мне пора бежать.

Я вымыл за собой нож и тарелку, смахнул на пол крошки вместе с тараканами и выпил стакан воды. Я вынул из кармана сорок центов и положил их на стол. Я рассмеялся, представив, как мама и старик накроют деньги клочком бумаги и оставят их до захода солнца. Вот дурачье! Мне стало смешно, что правоверные иудеи не прикасаются к деньгам в субботний день, – ну и дурни!

Я-то не такой. Покажи мне монету, и я тут же ее возьму, в любой день недели, хоть в пятницу, хоть в субботу. Будь это даже миллион баксов! Я посмотрел на часы – двадцать минут пятого. Я выключил газ. Я закрыл дверь и тихо спустился по темной лестнице. На первом этаже я остановился. Из-под лестницы доносились какие-то звуки. Я сунул руку в карман; присутствие ножа меня успокоило. Я погладил его кнопку и прислушался. Несколько минут я слышал ритмичный шорох и чье-то громкое дыхание. Потом послышался резкий мужской вздох.

– О боже, как здорово.

Ему ответило женское хихиканье, к которому присоединился смех мужчины. Хихиканье я узнал. Это была Пегги Бумеке. Я спустился по последнему пролету, громко насвистывая. Под лестницей все смолкло. Я вышел на улицу. Макси был уже здесь и ждал меня.

Я сказал:

– Я слышал, как Пегги и какой-то парень трахаются под лестницей.

– Шутишь! – На лице Макси появилось жадное любопытство. – Давай вернемся и посмотрим, что они там делают.

Макс и я на цыпочках пробрались в коридор. Мы остановились и стали слушать. Некоторое время из-под лестницы доносился только шепот. Потом снова начался ритмичный шорох

и тяжелое дыхание, и мы с Максом потихоньку стали подбираться ближе, пока не оказались прямо над тесно обнявшейся парой.

Макси громко сказал:

– Привет, Пегги!

Я никогда не думал, что двое людей так быстро могут отпрянуть друг от друга. Настала наша очередь удивиться. В тусклом свете мы узнали партнера Пегги – это был Уайти, коп, наш участковый! Мы стояли все вчетвером, разинув друг на друга рты. Пегги пришла в себя первая. Она сказала вполне естественным тоном:

– Уайти, это мои друзья. Познакомься с Макси и Лапшой.

Она подтянула свои трусики и опустила платье. Уайти застегнул ширинку.

Он был раздражен.

– Какого дьявола вы здесь вынюхиваете? Что вам тут нужно в такое время?

Макси нагло спросил:

– А что вы делали под лестницей вместе с Пегги? Завершали свой ночной обход?

Уайти не знал, прийти ли ему в ярость или принять вопрос Макси за шутку. В конце концов на его лице появилась усмешка, которая превратилась сначала в широкую улыбку, потом в смешок, а затем в громоподобный смех. По его щекам текли слезы.

– Да, детки, вы застали меня со спущенными штанами, ну и дела.

Он пытался подавить истерический смех. Пегги тоже боролась со смехом. Копу не хватало дыхания, он хватал ртом воздух. Мы оставили их вдвоем.

В нескольких кварталах от дома на Хестер-стрит возле кондитерской Спивака мы увидели три пачки газет. Подошли ближе. Каждый из нас взял по пачке и взвалил ее на плечо.

Когда мы торопливо направлялись к Джелли, Макси заметил:

– Это единственный раз, когда нам не надо заботиться об Уайти. Мы точно знаем, где он сейчас.

Я добавил:

– Не только в этот раз, но и во все другие. Мы застали Уайти с поличным и теперь держим его на крючке. С этой минуты во время его дежурства мы можем делать все, что угодно.

Макси посмотрел на меня радостно и возбужденно:

– Черт, ты прав, Лапша, мы держим его за яйца. Пегги – несовершеннолетняя; это уголовное дело. Господи, мы можем его засадить!

Мы оставили пачки газет у дверей Джелли.

– Давай зайдем к Сэму и выпьем по чашке кофе, пока Джелли не открылся, – сказал Макси.

Я замялся:

– У меня ни цента, Макс. Я оставил все деньги дома, своей семье.

– Ну и что? О чем ты волнуешься? У меня-то они есть. – Макс беспечно хлопнул меня по плечу.

У ночного кафе Сэма на Деланси-стрит стоял «форд» с шашечками такси.

Макси сказал:

– Похоже, эта тачка принадлежит брату Косого.

Внутри кафе на высоком стуле перед стойкой мы увидели Крючка Саймона, брата Косого Хайми, который читал газету и ел яйца с ветчиной.

Макс крикнул ему:

– Как дела, Крючок?

Тот поднял голову, кивнул нам и вернулся к газете и еде. Мы сели на дальнем конце стойки и заказали кофе. Мы запустили руки в корзину с горячими бубликами. Мы сидели, макая в кофе бублики.

Макси прошептал:

– Посмотри-ка, кто идет.

Это был Уайти, коп. Он нас не заметил. Он сел рядом с Саймоном и стал к нему приклевываться.

– Будь осторожней, Крючок, а то проткнешь яйцо своим длинным носом.

Саймон оторвал голову от газеты и проворчал:

– А, самый паршивый полицейский во всем Нью-Йорке. Почему ты не на дежурстве и не следишь за порядком на улице?

– Почему я не на дежурстве? В это утро у меня были дела получше. – Он довольно рассмеялся. – Дела, после которых я чувствую себя голодным. – Уайти посмотрел в тарелку Саймона. Коп подозревал Сэма, стоявшего за стойкой: – Принеси мне то же самое, что и Крючку: яиц и ветчины. – Он подтолкнул Саймона локтем. – Скажи, Крючок, как ты можешь есть яйца с ветчиной? Или это кошерная ветчина, и свинья тоже была кошерная?

Саймон раздраженно отложил газету:

– Почему бы тебе отсюда не убраться, пока тебя не застукал сержант?

Но Уайти наслаждался своим юмором.

– Эй, Крючок, а что скажет твой рабби? Он знает, что ты ешь ветчину?

Саймон пробормотал:

– Ладно, ты дождешься, что тебя арестуют. Вот придурок. Ты что, все рассказываешь своему священнику на исповеди?

Макс отозвался эхом, точно голос совести:

– Да, Уайти, ты все рассказываешь на исповеди?

Я прибавил:

– Да, Уайти, ты собираешься рассказать священнику – сам знаешь о чем? – Я подмигнул ему.

Он вздрогнул и взглянул на нас. Мы холодно смотрели на него. В этом безмолвном обмене взглядами мы достигли полного взаимопонимания. Он опустил глаза; ему стало ясно, что мы держим его в руках.

Сэм подошел и убрал со стойки корзинку с бубликами.

– Сколько можно брать на пять центов, детки? Вы уже съели каждый по шесть штук.

Мы допили остатки кофе. С наглой улыбкой я сказал:

– Эй, Уайти, заплати за нас.

Макс взглянул на меня с восхищенным изумлением.

Озадаченный Сэм протянул Уайти его ветчину и яйца.

– Ну и детки пошли, просто сил нет. Что скажешь, Уайти?

Коп пробормотал:

– Ладно, все в порядке.

Сэм стал вытирать стойку, бурча себе под нос и качая головой:

– Ты собираешься заплатить за двенадцать бубликов, двенадцать бубликов и две чашки кофе? Двадцать центов? За этих сопляков?

Уайти мрачно кивнул.

Мы сказали «пока» и со смехом вышли на улицу.

Мы пошли по тротуару, высматривая бычки. Макс заметил довольно крупный окуроч сигары с сохранившейся фирменной наклейкой. Он прикурил и несколько раз пыхнул дымом, с видом знатока разглядывая сигарную рубашку.

– Классное зелье, Лапша, попробуй. – Перед тем, как протянуть мне окуроч, посмотрел на наклейку. – А, это «Корона Корона». Когда разбогатею, буду курить только такие.

Я несколько раз пыхнул сигарой.

– Ну как, нравится, Лапша?

– Сигара отличная, особенно если учесть, что ее нашли на Деланси-стрит, – прокомментировал я.

Макс рассмеялся:

– Сегодня ходим в финансовый квартал и поищем там еще «Корону».

– И возьмем Федеральный резервный банк, Макси?

– Не шути над Федеральным банком, Лапша. Вот увидишь, когда-нибудь мы его возьмем, надо только поднабраться опыта. – Он смотрел на меня серьезно.

Мы пришли к Джелли. Тот резал бечевку на пачках газет, чтобы выставить их для посетителей. Он дал нам по пятнадцать центов каждому.

– А как насчет коктейлей и пирожных? – спросил Макс.

Я подошел к Джелли ближе и грубо сказал:

– Сделка есть сделка.

– Ладно, ладно, я сделаю коктейли. – Джелли запустил машину. – Возьмите каждый по пирожному. Зачем спорить? – Он пожал плечами и повторил: – Зачем спорить?

– Может быть, добавьте еще яйцо? – сказал Макс.

– Еще яйцо? Хорошо, я положу еще яйцо. Зачем спорить?

Джелли разбил яйцо и добавил его в вертящуюся смесь.

Когда он повернулся к нам спиной, Макси стянул со стойки батончик «Херши». Джелли наполнил нас два больших стакана. Мы сидели, не спеша потягивая коктейль. Макси невозмутимо развернул батончик «Херши» и отломил мне половину. Мы откусывали шоколад и запивали его коктейлем.

Джелли увидел шоколадный батончик.

– Где вы взяли этот шоколад? – спросил он сурово.

Макс ответил преувеличенно обиженным тоном:

– А в чем дело, мистер Джелли? Мы купили его у Спивака, когда брали там газеты.

– Да, – ответил я, передразнивая Джелли. – Зачем спорить? Мы его купили.

– Вы купили его у Спивака? Вы далеко пойдете, два шельмеца, вот что. – Он смотрел на нас в праведном негодовании.

– Как тебе это нравится? Он называли нас шельмецами, – насмешливо произнес Макси.

– А как насчет вас самих, мистер Джелли? Вы что, так законопослушны? – спросил я.

– Законопослушен? – переспросил он.

– Я хочу сказать – вы сами так честны, что можете называть нас шельмецами?

– Так ты это имеешь в виду, говоря «законопослушен»?

– Да, я это имею в виду, говоря «законопослушен».

– Значит, я законопослушен?

– Нет, вы, как и все остальные, преступник.

– Преступник? Что это значит – преступник?

– Это значит – вор, мошенник, шельма.

– Вы воруете, а меня, честного человека, который не ворует, который ходит в синагогу, называете шельмой? Преступником? Почему? За что? – Он возмущенно смотрел на нас.

– Мы украли для вас газеты, это вы нас послали. Вы покупаете то, что мы ворует, выходит, вы такой же, как мы, то есть преступник, – объяснил я.

– Значит, ты думаешь, ты очень умный. Переворачиваешь все с ног на голову, так что я выхожу шельмой, а вы не шельмы. – Он хихикнул. – Ладно, ладно. – Джелли воздел руки кверху, делая вид, что ничего не понял. – Пусть я буду преступник, а вы хорошие ребята. – Он засмеялся. – Ты все переворачиваешь наоборот; ты – умный паренек. Ты работаешь своей башкой, да, Лапша?

– Да, я работаю своей башкой, и вы прекрасно поняли, что я хотел сказать, – вы... вы...

Я уже хотел сказать «шмак»⁴, но потом вспомнил о Долорес. Этот шмак в один прекрасный день мог стать моим тестем.

Макс попытался ему объяснить:

– Слушайте, Джелли, Лапша хочет сказать, что, когда вы у себя в задней комнате устраиваете игорный притон, это незаконно.

– Незаконно? Даже если я плачу за разрешение Уайти, копу, десять процентов с прибыли? – Один глаз у Джелли был хитро прищурен. Он просто разыгрывал дурачка. – А как насчет моих конкурентов за углом? Как ты назовешь их, мой умный Лапша? Тоже преступниками?

– О чем это вы? – спросил я.

– О церкви за углом. У них в подвале тоже играют в азартные игры. Два или три раза в неделю. Они играют в бинго. Это азартная игра, и они ничего не платят Уайти, копу. – Джелли засмеялся. – Они делают хороший бизнес, как ты думаешь, умник? Ведь так, Лапша? Ты тоже назовешь их преступниками? Или нет?

– Да, – ответил я, пожав плечами. – Именно так я на это и смотрю. Вы – преступник, Уайти, коп, – преступник и ваши конкуренты за углом – преступники.

Старик Джелли хихикнул:

– Выходит, все преступники?

– Да, – буркнул я, – все преступники.

⁴ От *shmok* (*идиш*), буквально «пенис» – глупый, надоедливый человек.

Глава 4

В кондитерской появился Косой. Мы прервали разговор. Он сказал:

– Всем привет, ребята. – Косой выглядел преувеличенно веселым. – Как дела? Что-нибудь случилось?

– Случилось? – саркастически повторил Макс. – Думаешь, ты где – на Диком Западе с бандой Джесси Джеймса? В Ист-Сайде ничего не случается.

– Господи, Макс, долго ты еще будешь это вспоминать? – Все веселье Косого сразу улетучилось. – Я просто пошутил насчет Джесси Джеймса.

– Ладно, Косой, забудем. Я скажу тебе, что нужно сделать. Пойди разбуди Патси и Доминика и скажи им, чтобы приходили к нам в школу.

– Где вы будете, в гимнастическом зале?

– Боже! О боже! – Макс в отчаянии хлопнул себя по лбу. – Где же еще мы можем быть в субботу? В классе, изучать историю?

– Отец Доминика устроит большой шум, если я постучу к ним в дверь, – пробормотал Косой, направляясь на выход.

Макс и я перелезли через пики школьной ограды. Мы углядели, что одно из задних окон в подвале открыто, и прыгнули в гимнастический зал с высоты пять футов. Там мы сняли с себя всю одежду, за исключением нижнего белья. Мы стали босиком бегать по залу, пока не почувствовали, что вспотели. Макс расстелил на полу мат. Из кармана пиджака он достал бумажную брошюрку с руководством по борьбе джиу-джитсу. Мы отрабатывали друг на друге разные приемы, пока Макс чуть не вывихнул мне руку. Я сразу вышел из себя и ударил его ногой в пах.

Несмотря на боль, он с энтузиазмом крикнул:

– Отлично, Лапша, будем драться всерьез!

Мы сцепились в яростной и бестолковой схватке, злобно пиная и молотя друг друга кулаками. Макси сделал захват сзади, запрокинув мне голову и сдавив, как клещами, горло. Я начал задыхаться, и перед глазами у меня поплыли черные круги.

Я был рад услышать, как наверху открылось окно. Макс выпустил меня из рук. Патси и Косой прыгнули в гимнастический зал.

Макс хлопнул меня по спине.

– Ты делаешь успехи, Лапша. – Повернувшись к Косому, он спросил: – А где Доминик?

Ответил Патси:

– Ему пришлось пойти в церковь, в библейский класс.

– В церковь, – фыркнул Макси. – Пустая трата времени. Ладно, снимайте одежду, ребята.

Под руководством Макса мы приступили к нашим обычным упражнениям, состоявшим из поднятия тяжестей, подтягиваний и кувырков на перекладине. Потом он дал нам немного передохнуть, заполнив время чтением своей книжки по борьбе. Мы провели несколько часов, практикуясь в джиу-джитсу и обычных схватках. Последние пятнадцать минут мы яростно колотили по боксерской груше.

Косой ушел первым. Он сказал, что торопится домой на обед. Стянув майки, мы вытерли с себя грязь и пот. Надели остальную одежду и, помогая друг другу, вылезли в открытое окно.

Макс, Пат и я отправились в кулинарию Каца на Хьюстон-стрит. Когда мы вошли, в нос нам ударил умопомрачительный запах солонины и пастроми⁵, выставленных на прилавках магазина. Одурманенные этим ароматом, мы стояли, как трое алчущих зверей, жадно принюхиваясь и глаза на горячее мясо. Мы трепетали в экстазе. Мы решили взять три сэндвича с

⁵ Пастрами – копченая говядина.

солониной и еще три – с пастрами под маринадом. Я отдал Максу пятнадцать центов, которые получил от старика Джелли. Он прибавил к ним свои пятнадцать центов, выложил их на прилавок и сказал внушительным тоном:

– Положите на хлеб побольше мяса.

Затаив дыхание, высунув языки и роняя слюну, мы в шесть голодных глаз следили за каждым движением продавца.

С величайшей осторожностью, словно несли самую хрупкую и драгоценную вещь на свете, мы протолкались с тарелками сквозь толпу и сели к ближайшему столу. Мы ели с обдуманной неторопливостью, стараясь получить удовольствие от каждой минуты. Мы не разговаривали. Мы только откусывали кусок за куском. Мы чмокали губами и издавали все звуки, какие делают голодные животные. Два моих сэндвича кончились слишком быстро. Я сидел, собирая с тарелки волокна мяса и хлебные крошки. Я облизывал испачканные в горчице пальцы. Я отдал бы пять лет жизни еще за пару сэндвичей. Мы с завистью смотрели на посетителя, сидевшего за соседним столом: перед ним лежали три больших сэндвича с солониной, кнйш⁶, кусок твердой салями, жареный картофель по-французски и бутылка с сельдерейным тоником «Доктор Браун».

Макс толкнул меня локтем:

– Когда-нибудь мы будем есть так же, как этот парень.

Я решил не говорить вслух, что думаю о Максе и его обещаниях.

Мы с неохотой покинули заведение Каца и пошли по улице, оглядывая тротуар в поисках окурков. На сигаретные бычки мы внимания не обращали. Наконец Макс нагнулся и поднял окурочек сигары. Однако, понюхав, выбросил его вон.

– Дешевый табачишко, – сказал он.

Подходя к Джелли, мы все уже дымили сигарами разных марок и сортов. Косой и Доминик стояли у дверей, разговаривая с Долорес. В первый раз в жизни я почувствовал, как я грязен и обношен. Доминик, Косой и Долорес были в своих лучших субботних нарядах, особенно Доминик, одетый в новенькие длинные брюки, в которых он ходил в церковь. Я почувствовал себя неловко в коротких штанах, тесных и обтрепанных. Я ощутил свой грязный, вытертый воротник рубашки и подумал, что прореха в старом пиджаке моего отца должна быть хорошо видна. Покраснев, я стоял безмолвный и охваченный стыдом, глядя на носки собственных обшарпанных ботинок. В первый раз в жизни я почувствовал, как я одет.

Я взглянул на Макса, у которого козырек на кепке был оторван и нелепо висел набок. Он выглядел не лучше, чем я. И Пат тоже. Это меня немного успокоило. Потом я подумал о наступающих холодах, о ледяном ветре, который будет дуть по Деланси-стрит. Мне стало себя жалко. Неужели опять придется подкладывать под пиджак газеты, чтобы защититься от пронизывающего ветра, и засовывать картон под стельки ботинок? Я был уверен, что мой старик не найдет работы и у нас не будет угля, чтобы топить печь. Я мог поспорить, что в конце концов отморожу себе яйца; снова буду кашлять и чихать всю зиму и заработаю хронический насморк. Да, я мог поспорить, что мой тьюфак папаша не найдет работы и ублюдок домохозяин выкинет нас на улицу! И если он так и сделает, я перережу глотку этому козлу с цветочком! Только толку от того не будет никакого; мне надо шевелиться, я должен найти работу. Я должен зарабатывать деньги.

В этот момент Долорес обдала меня холодным взглядом и повернулась спиной. Мне стало не по себе. Если бы я только мог куда-нибудь исчезнуть вместе со своей грязью и поношенной одеждой. Если бы я мог провалиться сквозь тротуар!

Меня охватило отчаяние. Жизнь была дерьмом. Что толку жить? У меня в горле застрял ком. Огромным усилием удалось сдержать слезы. Я испытывал к себе позорную жалость.

⁶ Кнйш – булочка с начинкой, например с картофелем (*идиш*).

Сам не заметив как, я отделился от всей компании. Я бесцельно побрел по улице, чувствуя себя мрачным и униженным, полный сожаления к самому себе. Я прошел весь путь до вестсайдских доков. Я увидел темную, холодную, блестящую воду Гудзона. Потом я направился в Чайнатаун. Так я бродил несколько часов. Стало уже поздно. Я был усталым, голодным и несчастным.

Я обнаружил себя под грохочущей подвесной дорогой. Это был район Бауэри. На улице валялись или бродили, пошатываясь, пьяные. Я подумал о Трубе, ловко и хладнокровно обшаривающем карманы пьяного. Это хорошая идея. Я тоже ограблю пьяного. Если он станет выступать, у меня есть нож.

Я внимательно оглядел всю улицу и переметнулся на другую сторону дороги. Я перевернул лежавшего навзничь, дурно пахнущего пьяного и обыскал его карманы. Они были пусты. Даже ботинки с него уже сняли. Тогда я вспомнил замечание опытного Трубы: «Кто лежит в отключке у подъезда, тот всегда уже обчищен. С таких даже пенни не возьмешь. Бери тех, кто еще держится на ногах».

Как шакал, я пустился вслед за большим пьянчугой, который шаткой походкой брел по улице. Меня колотила дрожь; я был возбужден. Может, у него найдется толстая пачка зелени? Он тяжело привалился к стене. В этот момент, откуда ни возьмись, на него накинута сутулый пожилой мужчина. Я был слишком поражен, чтобы что-то сделать. Я только в изумлении смотрел со стороны. Сутулый быстро и умело обыскал упавшего пьянчугу. Он что-то нашел и положил к себе в карман. Потом ловко стянул с него ботинки и бросился бежать, чтобы продать их на рынке краденого на Байард-стрит. Меня облапошили. Я почувствовал разочарование и презрение к себе. Этот пьяница должен был стать моим. Я первый его увидел. Вот так поступают все люди. Они тащат, тащат вещи прямо у тебя из-под носа. Я поклялся, что больше этого не повторится. Я был зол на себя.

– Ты шмак, – сказал я себе, – ты должен грабить, и грабить быстро, или тебя опередят другие. Наплюй на всех; грабь, грабь и грабь.

Ко мне снова вернулось чувство тоски и обиды. Весь мир был дерьмо. Все и вся против меня. Вдруг кто-то резко ударил меня дубинкой по спине. Вверх и вниз по позвоночнику побежала острая боль. Я потерял над собой контроль. Я напустил в штаны.

Полицейский прорычал:

– Какого черта ты тут делаешь в такое время? Проваливай отсюда, мозгляк, пока я не огрел тебя еще раз.

Как побитая, шелудивая, никому не нужная дворняжка, я поплелся по пустынным улицам в сторону дома.

Глава 5

Президентом избрали Уилсона. Мы, как всегда, отпраздновали выборы самым большим костром в Ист-Сайде. Еще некоторое время я продолжал учиться в суповой школе. Потом я отправился к О'Брайену и потребовал у него свой аттестат, который он неохотно мне отдал.

Несколько недель я ходил по улицам в поисках работы. Наконец я нашел место помощника в передвижной прачечной, за четыре с половиной доллара в неделю.

В первое время мне пришлось несладко. Работа начиналась в шесть утра. Мы с водителем до отказа загружали фургон тяжелыми влажными тюками. На протяжении целого дня мы делали остановки, с трудом взбирались вверх по лестницам, волоча чистое белье, а обратно уносили грязное. Это была тяжелая и нудная работа. У меня болели ноги, спина, каждый мускул в теле. Зима выдалась суровой, с дождем, снегом и холодным ветром, но на работе я постоянно ходил в поту.

Водитель получал комиссионные. Он был жаден и неправдоподобно вынослив. Мы тратили десять минут на сэндвич. Это заменяло нам обеденный перерыв. Потом мы начинали снова и работали до позднего вечера. После скудного ужина я молча падал в холодную постель, чувствуя, что у меня нет сил сделать ни одного лишнего движения. Ночью мне снилось, что я хожу с тяжелыми мокрыми тюками, привязанными к каждой ноге, и еще один тюк качается у меня на голове. Я просыпался на рассвете застывший и голодный, с болью во всем теле, тоскливо думая о своей несчастной жизни и наполняясь горечью и злобой. Я старался подбодрить себя руганью. Я крыл сначала водителя, потом хозяина, потом всех подряд. Четырех с половиной долларов, которые я приносил матери каждую субботу, приплетаясь домой в десять часов вечера, едва хватало на скромную еду.

Мой старик все больше и больше времени проводил в синагоге. Его лицо и борода становились все блее и блее. Приступы кашля продолжались все дольше и дольше. Проходили месяцы, и мы все больше должны были за квартиру. Жизнь мамы и наша была полна горечи. Но худшее оказалось еще впереди.

Нам пришло угрожающее извещение о «выселении». Потом явился невозмутимый судебный исполнитель со своими людьми. Нас выбросили на уличную стужу – весь наш жалкий, переломанный скраб свалили в одну кучу на тротуар, на глазах у безжалостного мира. Мы стояли, а суетливая жизнь Ист-Сайда все так же безразлично текла вокруг нас и нашей кучи.

Похоже, ни приятели моего отца, завсегдатаи синагоги, ни его молитвы, ни сам рабби – никто и ничто не собирались нам помогать. Старика в тот же день увезли на «скорой» в госпиталь Бельвью.

Наконец появился мой товарищ, Большой Макси. Он привел своего дядюшку, и тот поговорил с моей плачущей мамой. Потом дядюшка Макса отправился к местному боссу Таммани. Босс Таммани пришел к нам на выручку. Он отвез нас в квартиру, расположенную ниже по Деланси-стрит. Он заплатил за два месяца арендной платы. Он прислал нам пять бушелей угля и новенькую пузатую печь. Он прислал нам картошки и зелени – запас на две недели. Но мой старик домой уже не вернулся. На следующий день он умер в госпитале от пневмонии.

Дядюшка Макси похоронил отца бесплатно.

Когда все это закончилось, я, оцепенев от безнадежности, вернулся на свою работу, таскать тяжелые тюки.

Как-то раз у прачечной появился представитель от профсоюза водителей грузовиков. Он расспросил несколько шоферов и их помощников об условиях работы.

Мой водитель сказал:

– Все нормально. Дела не так уж плохи.

Несколько других сказали правду. Они настаивали на том, что у нас условия плохие. Я ответил представителю, что нас эксплуатируют; мы работаем больше восьмидесяти часов в неделю. Мой водитель сказал, чтобы я заткнулся. Я слишком много болтаю. Я посмотрел на него презрительно. Представитель записал тех, кто хотел вступить в союз. Мой водитель и еще несколько отказались. Представитель составил контракт на пятидесятичетырехчасовую рабочую неделю с десятипроцентным повышением заработной платы и представил его хозяину. Тот сказал, чтобы он заткнулся и проваливал. Представитель предложил членам союза устроить забастовку.

Я присоединился к пикетчикам. Мой водитель и большинство других предпочли стать штрейкбрехерами. Они смеялись над нами и называли нас паршивыми агитаторами и социалистами. Несколько дней мы околачивались у прачечной. Сквозь линию пикета проходили все кому не лень. Это приводило нас в уныние. Но я пикетировал по четырнадцать часов в сутки.

В один прекрасный день копы, дежурившие возле пикетчиков, куда-то исчезли. Появилась машина, в которой сидело четверо. У них были блестящие значки. Они работали в частном детективном агентстве. Они сказали нам, чтобы мы убирались подальше от прачечной. Они заявили, что забастовка окончена.

Я и еще один пикетчик отказались уходить. Тогда они вырвали у меня и другого забастовщика из рук плакаты и избили нас обоих.

Потом вернулись усмехавшиеся копы и спросили:

– Что случилось? – На их лицах были издевательские улыбки. – Видно, несладко вам пришлось, умники? Ладно, а теперь проваливайте отсюда.

Они заставили нас уйти. Мой водитель и его новый помощник стояли и со смехом смотрели на мой заплывший глаз и кровоточащую рану на голове.

Я спросил:

– Какого черта вы смеетесь?

– Вали отсюда, рвань, пока я тебя не взгрел как следует, – ответил мне шофер.

Я посмотрел на него. Я уже готов был на него наброситься. Но что-то внутри меня все время повторяло: «Работай головой, работай головой, он для тебя слишком большой». Я пошел прочь, думая о том, что вот, стало быть, с чем ты должен иметь дело, если хочешь влачить такую жалкую и никчемную жизнь! Нет, это не для меня. Я сыт по горло. Какого черта! Я что, собираюсь всю жизнь быть работником в передвижной прачечной?

В тот же вечер я встретился с Макси, Патом, Домиником и Косым.

Мы подкараулили моего водителя и его помощника на третьем этаже в доме на Генри-стрит.

Я навсегда расстался со своим прошлым, порезав щеку шофера лезвием автоматического ножа. Я отобрал у него все собранные за день деньги. Потом мы избили водителя и его помощника до бесчувствия. Их лошадь и фургон мы отогнали к пустынному пирсу на Ист-Ривер. Лошадь мы распрягли, а вагон столкнули в воду. Лошадь все время энергично кивала, как будто одобряла наши действия. Потом она ударила копытами о землю и ускакала прочь.

В этот вечер мы хорошо поели в кондитерской Каца.

Пришел искавший меня Толстяк Мо. Он сказал:

– Везде шныряют полицейские. Они спрашивали про тебя. Лучше не приходи домой.

К счастью, я нашел Профессора в его подвале. Я объяснил ему, во что влип. Он достал мне одеяло. Это был первый раз, когда я ночевал не дома.

Мне не спалось. Я не боялся, просто нервничал. Большую часть ночи я провел читая в туалете «Дон Кихота».

Утром Профессор принес мне горячий кофе и сдобные булочки. Он отдал мне ключи от склада и сказал:

– Можешь отосидеться здесь, пока все не утихнет.

Профессор одолжил мне два бакса. Это был отличный парень.

Я узнал, что меня разыскивает представитель профсоюза. Я с ним встретился.

Он сказал:

– Хорошая работа, Лапша. Еще один такой урок, какой ты устроил своему водителю, и забастовка закончится успешно. Штрейкбрехеры боятся выезжать на работу.

Шрам на лице водителя создал мне репутацию парня, умеющего обращаться с ножом. Обо мне теперь говорили:

это тот самый Лапша с ножом, что с Деланси-стрит. Я гордился своей репутацией.

Мы подстерегли еще одного штрейкбрехера и его помощника. Я порезал их обоих и отправил в госпиталь. Моя жизнь стала меняться. Я чувствовал себя веселым и счастливым. Я обнаружил, что это доставляет мне огромное удовольствие. Когда я щелкал ножом, люди вокруг вздрагивали. Они смотрели на меня с незнакомым мне раньше уважением.

Остальные водители больше не решались ездить по своим маршрутам. Босс обратился к профсоюзу. Скрепя сердце он подписал контракт на пятидесятичетырехчасовую рабочую неделю и увеличил зарплату на десять процентов.

Представитель профсоюза встретился с нами в подвале у Профессора. У него было к нам предложение.

– Ребята, не хотите поработать на меня и на профсоюз в качестве, скажем, специалистов по организационным вопросам? Десять долларов в неделю на каждого – вас устроит?

Это был наш первый постоянный бизнес.

Позже мы провели немало «организационной работы» среди водителей передвижных прачечных. Занимаясь таким делом, мы сталкивались с самыми жестокими, жадными и беззастенчивыми работодателями, которые попадались нам везде, где их не сдерживала деятельность профсоюза. Это вызвало в нас ненависть к любой власти вообще. В наших глазах их стандарты были стандартами всего общества.

Большую часть времени меня разыскивали полицейские, и я избегал появляться дома, но каждую неделю отсылал матери деньги через посыльного.

Глава 6

Президент Уилсон объявил войну Германии. Дух авантюры охватил страну. Слава и жестокость шли рука об руку. Они стояли в повестке дня. Мы все пятеро попытались нырнуть в водоворот узаконенного насилия, вступив в армию. Над нами только посмеялись: мы были еще слишком молоды. Но взбудораженный ритм военной жизни продолжал горячить нам кровь, как езда на быстрой карусели. Мы запрыгнули на нашу собственную маленькую карусель и неслись во весь дух, твердо держась за перила. Скорость становилась все больше и больше.

Кроме профсоюза, который выплачивал нам по десять долларов в неделю, мы нашли новые средства увеличить наши доходы, обратившись к самой грубой и захватывающей сфере деятельности – обыкновенному бандитизму. Мы вышли на сцену хорошо подготовленными, пройдя начальный курс в самой худшей суповой школе города.

Теперь мы продолжили образование. Нашими классными комнатами были задние дворы, подвалы, крыши, рынки, набережные и трущобы Ист-Сайда. Мы бродили по лабиринтам улиц, как охотники, отслеживающие в джунглях крупную дичь. Нас интересовало все. Мы собирали любую информацию, переживали странные приключения. Мы носили дубинки собственного изготовления, сделав их из свинцовых солдатиков, переплавленных в крышках от молочных флагов. Мы подстерегали прилично одетых горожан на темных узких улочках.

Курсы повышения квалификации по сексу мы прошли, обучаясь у такой опытной и искусной учительницы, как Пегги.

Возобновив свои походы с джанком, который Профессор поручал нам относить по тому же адресу на Мотт-стрит, мы стали знакомиться с улицами Чайнатауна, заинтересованные и очарованные его странными запахами и необычным видом. Здесь мы наблюдали привычки и причуды приверженцев различных наркотических веществ.

Под неусыпным руководством нашего Профессора мы познали секреты и навыки всевозможных преступных ремесел. Он посвятил нас в умиротворенный и мечтательный экстаз курильщиков опиума. Он снабдил нас всеми видами холодного и огнестрельного оружия, необходимого в изощренном искусстве нанесения увечий.

Мы стали более жестокими и грубыми, настоящими профессионалами в делах, связанных с насилием.

Косой Хайми практиковался в езде на такси своего брата. Он так наловчился крутить баранку, что его способности казались почти сверхъестественными. Во многих случаях мы использовали их и тачку брата Хайми, с которой предварительно снимали номера, если во время ограблений нам была нужна машина. В грабежах мы выработали собственный стиль. Прежде чем скрыться, мы снимали с наших жертв штаны. В газетах нас называли юными похитителями штанов. Мы гордились своей известностью и оригинальностью. Мы стали беспечными и самоуверенными. Это была наша ошибка.

Во время ограбления маленькой аптеки, которое принесло нам двадцать два с половиной доллара, ее владелец бесстыдно выскочил без штанов на улицу и позвал на помощь. Когда мы удирали от полицейских на машине брата Косого Хайми, на Деланси-стрит у нас кончилось горючее. Мы выскочили из дверей и разбежались в разные стороны. Мы бегали слишком быстро для копов и сержанта, которые нас преследовали. Мысленно я поблагодарил Макса за ту усиленную физическую подготовку, на которой он всегда настаивал. Она держала нас в хорошей форме. Я слышал выстрелы. Я решил, что нам всем удалось благополучно скрыться.

Позже, в задней комнате у Джелли, я узнал печальную новость. Доминик был мертв. Он бегал не так быстро, как мы. Маленький толстяк Домми получил пулю в затылок. Его застрелил сержант-полицейский. Местные детективы устроили на нас облаву, которая им удалась. Тут снова пригодились дядюшка Макси и районный лидер из Таммани. Нам разрешили, находясь

под стражей, присутствовать на похоронах Доминика. В зале похоронного бюро, где стоял гроб с телом Доминика, его родители и близкие бросали на нас мрачные и гневные взгляды. Они бормотали себе под нос и осыпали нас итальянскими проклятиями. Патси переводил нам их вполголоса. Мы присоединились к похоронной процессии у церкви. Приглушенные скорбные рыдания несчастных родителей Доминика терзали нам сердце. Когда священник склонился с кадилом над бедным Домми и благословил его, я почувствовал в сердце такую боль, словно оно готово было разорваться на куски. Все внутри у меня стонало от боли.

Я не мог плакать.

Из церкви мы проводили бедного Домми до кладбища в Лонг-Айленде. Я видел, как его опускали в землю. Все вокруг плакали и молились, а священник благословил могилу и обратился к Господу с просьбой простить несчастному Домми его грехи.

На обратном пути в Нью-Йорк я пытался все это обдумать. Добрый старина Домми смеялся, шутил и был полон жизни еще несколько дней назад, когда обращался ко мне со своей милой улыбкой: «Эй, Лапша!» А теперь он лежал холодный, в деревянном ящике, с пулей в голове, на дне могилы. Я не мог себе этого представить. Трудно было поверить, что я никогда больше не увижу своего друга Домми.

Глава 7

Районный босс сделал для нас все, что мог. Он сказал, что не сможет помочь нам всем. Ему пришлось пойти на сделку. Двое из нас должны были ответить за всех. Пат и я решили сесть в кутузку.

Макс пообещал каждую неделю отдавать моей матери десять долларов от профсоюза, а может быть, и больше.

Патси отправили в исправительное заведение для детей католиков. Меня послали в еврейский приют в Сидар-Ноулз, к северу от Готорна, штат Нью-Йорк.

Мне там было не слишком тяжело. Еда оказалась хорошей, и ее всегда хватало. Я в первый раз уехал из Нью-Йорка, и деревенская атмосфера была мне в новинку. С нами обращались не как с преступниками; скорее это напоминало школу-интернат. Я был приятно удивлен той свободой, которую нам предоставляли в передвижениях. Рассчитывали в основном на совесть и наш здравый смысл. И редко кто обманывал эти ожидания.

Честно говоря, мне там понравилось. Перемена атмосферы пошла мне на пользу. Сельский воздух был чистым и свежим, не то что вечное зловоние в нашем нищем гетто. Но больше всего мне понравилась тамошняя библиотека. Я с головой зарылся в книги. С их помощью я мог попасть в любую страну мира, даже путешествовать по другим мирам – на Луну, Марс и прочие планеты.

Я летал на самолете и погружался в морскую бездну. Я был пиратом и миссионером. Я был разбойником, священником, министром и раввином. Я был хирургом и его пациентом. Я был надменным богачом и человеком из простонародья. Я был королем и самым скромным из его подданных. Я был всеми и всем. Я стоял на горе вместе с Моисеем: обернувшись через плечо, я видел, как он сидит на камне и записывает десять заповедей. На обратном пути мы вместе обсуждали, как лучше представить их народу. Я смеялся от восторга, слушая историю, которую он собирался поведать остальным.

Я сидел у ног Иисуса с другими Его учениками. Я с благоговением слушал Его революционное учение о том, как исправить людей и весь мир. Я помогал Ему нести крест на Голгофу. Мое сердце кровоточило при виде мук и страданий на лице Иисуса, когда в Его ладони вколачивали гвозди. А потом я видел, как те же самые люди, которые боялись возвещенной Им истины, в каждом новом поколении использовали Его имя, извращали Его слова и распинали Его снова и снова ради собственных эгоистичных целей. И я видел, как другие несчастные и бедные создания превращали в фетиш Его страдальческий лик, чтобы чем-нибудь заполнить свою пустую жизнь или дать выход какому-нибудь неврозу. Все это наполняло меня печалью.

В тот день, когда я должен был выйти из Сидар-Ноулз, рабби позвал меня в свой кабинет и прочитал мне последнюю проповедь: «Как должен вести себя хороший еврейский мальчик». Она влетела мне в одно ухо и вылетела в другое. В заключение он улыбнулся и похлопал меня по спине:

– У меня есть для тебя сюрприз. Снаружи ждет твой товарищ, который отвезет тебя в Нью-Йорк.

Я подумал, кто это может быть? Из здания я выскочил чуть ли не бегом. На улице, прислонившись спиной к черному сверкающему «кадиллаку», дымя сигарой и сияя улыбкой, стоял Большой Макси.

Хотя мы росли вместе и со школьной парты он являлся самым близким моим другом, теперь я его едва узнал. Наверное, все дело было в нашей восемнадцатимесячной разлуке. Он стал совсем другим. Макси здорово вытянулся:

его рост оказался выше шести футов. Теперь он был большой, просто огромный, с широкими плечами и узкими бедрами. Вероятно, пока я сидел, он провел немало времени в гимна-

стическом зале. Вид у него был цветущий. Его ясные черные глаза сверкали. Он улыбнулся все той же заразительной улыбкой и показал безупречные белые зубы.

– Лапша, старина, как я рад тебя видеть! Ну, как дела?

Он протянул мне руки; его рукопожатие было похоже на тиски.

Меня обдало теплой волной симпатии и любви. Я ответил ему улыбкой.

– Я в порядке. Ты отлично выглядишь, Макс.

– Ты тоже смотришься неплохо, Лапша. Я тебя едва узнал – ты почти такого же роста, как я. – Он оглядел меня со всех сторон. – Ну и плечищи у тебя, Лапша, здорово ты накачался на свежем воздухе. Что, много занимался физкультурой?

– Ты хочешь сказать – много работал, чтобы искупить свои прегрешения. Кажется, мы вступили в клуб взаимных восхвалений, а, Макс?

Мы оба рассмеялись.

Он открыл дверцу «кадиллака». Забравшись в салон и сев рядом с Максом, я почувствовал себя светским человеком. Он сделал ловкий разворот и помчался по гравийной дороге.

– Где ты раздобыл «кадди», Макс?

– Это один из моих катафалков.

С невозмутимым видом он угостил меня сигарой. Я откусил кончик, сплюнул в окно и закурил. Затянувшись несколько раз, я взглянул на этикетку. Это была «Корона Корона».

– Я тебе не писал, что мой дядя отбросил копыта?

– Писал. – Я кивнул. – А из-за чего? Ты не сообщил.

Он сплюнул в окно:

– Рак кишечника.

– Жалко. Хороший был мужик.

– Да, старик был классный. Он оставил мне свой бизнес. Я вступлю в права владения, как только мне исполнится двадцать один.

– С таким бизнесом ты станешь большой шишкой, верно?

– Да, – улыбнулся Макс. – Мы все станем большими шишками. Мы будем партнерами – ты, я, Косой и Патси.

Я был потрясен.

– Ты собираешься взять нас в свое дело, Макси?

– Вот именно.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя себя комфортно и уверенно. Я думал о том, что мой друг Макси всегда был очень щедрым, он – лучший парень из всех, кого я когда-либо знал.

По дороге в город Макси дал мне подробный отчет о том, что происходило в Ист-Сайде во время моих принудительных каникул.

– Мы по-прежнему получаем деньги с профсоюза. Я каждую неделю относил твоим твою долю. У них все в порядке. Ты знаешь, что твой младший брат работает в газете? Теперь он репортер.

– Знаю.

– Пегги стала профессионалкой, об этом ты тоже слышал, Лапша?

– Нет. – Я покачал головой. – Профессионалкой в чем? В танцах?

В эту минуту я думал о Долорес. Она не выходила у меня из головы.

– В танцах? – расхохотался Макс. – Да, она танцует в постели. Из любительницы сделалась профессионалкой. Теперь она берет деньги.

– По баксу с носа?

– Да, но она того стоит.

– Что верно, то верно.

– Помнишь, как мы имели ее за русскую шарлотку?

Мы оба рассмеялись.

– А помнишь Уайти, нашего копа? – продолжал Макс.

– Еще бы не помнить. Разве такое забудешь?

– Так вот, теперь он сержант.

– Честность всегда вознаграждается, – прокомментировал я.

Мы снова рассмеялись.

– Да, он парень не промах, наш ирландец. Стрижет деньги с Пегги, – сказал Макс.

– Бьюсь об заклад, часть он берет натурой.

– Уж это точно, – со смехом согласился Макси.

Я умирал от желания расспросить его о Долорес. Я писал ей каждую неделю, но она не ответила ни на одно письмо. Вместо этого я спросил:

– Как дела у Патси и Косого?

– Косой получил водительские права и теперь ездит иногда на одном из такси своего брата.

– У Крючка несколько машин?

– Да, он завел себе целый парк из четырех тачек. Патси работает со мной, помогает в похоронном бюро. А когда наклеивается дельце, мы выходим вместе.

– Грабеж?

– Ага, – кивнул Макси. – Но дело должно обещать не меньше двух штук, иначе мы за него не беремся. Поскольку сухой закон действует уже несколько месяцев, денег вокруг хватает. Время от времени мы заключаем контракт с кем-нибудь из бутлегеров и надираем конкурентам задницу.

– Я слышал, у бутлегеров много зелени.

– Это верно, болтушки открылись уже по всему городу.

– Болтушки?

– Да, так теперь называют питейные заведения для своих, с глазком в двери.

– А-а.

Мы въехали в нижнюю часть Ист-Сайда. Макси небрежно вел «кадиллак» по запруженной транспортом улице. Он едва не снес крыло у какого-то автомобиля. Макси высунулся из окна и заорал на шофера:

– Эй ты, болван, где тебя учили водить? На заочных курсах?

Хорошо одетый пожилой мужчина, сидевший за рулем, прокричал в ответ, поворачивая за угол:

– Тупоголовая шпана, вы думаете, вам принадлежит весь город?

Когда мы въезжали в гараж, Макс усмехнулся:

– А знаешь, Лапша, это неплохая идея.

– Какая идея?

– Та, что сказал этот парень, – насчет шайки из суповой школы, которая захватывает весь город.

– Весь город?

– Почему бы нет? Ты ведь знаешь, мы – хорошие организаторы.

Глава 8

За те восемнадцать месяцев, пока меня не было в городе, произошло четыре примечательных события. Закончилась война. Ввели в действие сухой закон. Долорес произвела маленькую сенсацию, выступив в музыкальной комедии на Бродвее. Большой Макси, Патси, Косой при некотором содействии Джейка Проныры, Трубы и Гу-Гу приобрели в среде городского криминала репутацию самой крутой банды в Ист-Сайде.

Еще я обнаружил, что в мое отсутствие сильно разрослась легенда обо мне и моих способностях в обращении с ножом. Я теперь считался профессионалом в этом деле. Макси пересказал мне несколько историй, которые ходили обо мне в Ист-Сайде. Мы оба смеялись над моими мифическими «ножевыми» подвигами.

Наша репутация очень крутых парней и «киллеров» стала силой, которая бросила нас в самую гущу драматических событий, вызванных сухим законом.

К нам приходили люди и предлагали то, что мы называли «контрактами». Они появлялись со всех концов города, разные личности, которых мы видели в первый раз и о которых никогда не слышали, и предлагали нам ограбить крупную компанию, ювелирный магазин или богатый банк. Бутлегеры и рэкетиры заказывали нам убийство своих деловых партнеров, любовниц, братьев, мужей, жен и конкурентов. Плата, которую они нам предлагали, колебалась от до смешного маленьких вознаграждений до баснословно крупных сумм.

Поначалу мы только смеялись и отказывались от обрушившегося на нас потока добровольных ассигнований. Но то ли потому, что нам льстило внимание всех этих людей, или потому, что мы хотели денег, или по обеим причинам сразу, мы в конце концов капитулировали. Мы стали жить на свою репутацию, просеивая предлагаемые нам контракты сквозь большое сито собственного морального кодекса.

Подобно старым главарям банд, с помощью наглости и физической силы мы захватили под контроль значительную часть преступной деятельности в густонаселенном Ист-Сайде. Молодые по годам, мы были опытными ветеранами во всех делах, где требовались крепкие нервы и жестокость. Судьба к нам благоволила, и успех придавал нам блеск высокомерной дерзости.

За сравнительно короткое время мы познакомились со всеми маленькими бандами, которые, как чертики из табакерки, выскакивали из самых бедных районов города – из кварталов суповых школ. Чтобы взять крупную партию виски, которую доставили в верхнюю часть города, нам пришлось немного повздорить с Артуром ФлегенХаймером, по кличке Голландец, и его компанией, набранной им по безнадежно грязным, нищим и унылым закоулкам Бронкса. По делу, связанному с контрабандой сигарет, мы столкнулись с Джо Адонисом, Лео Байком и еще кое с кем из их команды, которую они сколотили в нездоровых, перенаселенных и обветшалых районах Бруклина. У нас были небольшие трения с Тони Бендером, Вито Дженовезе и их ребятами, выросшими в вонючих бараках и лачугах в нижней части Грин-Виллиджа. Мы водили дружбу со Счастливым Чарли и Волком Люпо – оба они были родом из Манхэттена, где в убогих квартирках многоэтажек ютились бедняки. С ними мы обсуждали судьбу одного из их земляков, который сбежал на нашу территорию и искал у нас защиты. Мы встретились и создали союз с самым достойным, благородным и смелым бандитом города – Фрэнком, или Франциском, выходцем из тесного и мрачного квартала в восточном Гарлеме. Мы знали их всех. Это был удивительный, но неопровержимый факт – каждый из них, так же как и мы, появился на свет на глухих задворках, населенных беднотой. Они пришли из разных концов города, но все оказались питомцами суповых школ.

У нас было шесть питейных заведений, в том числе одно на Деланси-стрит, которое мы считали своей штаб-квартирой. Мы называли его «У Толстяка Мо», в честь сына старика

Джелли. Толстяк Мо стал нашим главным барменом и менеджером. Кроме того, мы брали деньги с дельцов, которые занимались нелегальными операциями с бумагами, и букмекеров, работавших на подпольных тотализаторах. Бутлегеры и курьеры болтушек просили у нас защиты от залетных банд, вымогавших у них деньги. Разумеется, услуги мы оказывали не бесплатно. Многие были озадачены и отказывались нас понимать, когда мы, руководствуясь собственным опытом и личным вкусом, уклонялись от прибыльных сделок, связанных с производственным рэкетом, торговлей наркотиками или проституцией.

Несмотря на то что деньги мы тратили без счета, они продолжали вертеться вокруг нас и текли к нам в руки, так что мы набивали ими свои сейфы в банке.

Я являлся главным казначеем и сводил счета всех наших нелегальных операций. Впрочем, одно предприятие было у нас вполне легальным – похоронная контора, которую оставил Макс его бездетный дядюшка. Макс сдержал свое обещание: он разделил бизнес на четыре равных части. Это было наше прикрытие. По бухгалтерским книгам, для налоговой полиции и всех прочих властей похоронное бюро являлось нашим единственным источником дохода. Легальный бизнес очень удачно вписывался в общую схему операций. Он служил сразу нескольким целям. Наши катафалки постоянно вызывал районный босс Таммани и прочие политиканы. С виду похороны были вполне законными, хотя далеко не все тела, которые мы возили в своих гробах, принадлежали законопослушным людям.

Время от времени мы без особого энтузиазма устраивали крупные ограбления, да и то только в тех случаях, когда наводка делалась по нашим самым старым и надежным связям. Со дня на день у нас как раз намечалось одно такое дельце, старый долг, по которому пришло время заплатить. Мы ждали от наводчика последнего сигнала. Предположительно мы должны были взять бриллианты на сотню тысяч долларов.

Наступил момент, когда мелкие и разрозненные стычки банд превратились в войну национального масштаба. Газеты подняли шумиху, общественность была встревожена, а федеральные и городские власти известили криминальный мир, что нам пора притухнуть, пока нас не прихлопнули.

Но жадность и ненависть оказались сильнее. Война банд продолжалась до тех пор, пока не появился лидер – наш старый приятель Фрэнк из гарлемских трущоб. Он позвал нас к себе. Мы встретились, и он изложил нам свой план. Мы уверили его в нашей безоговорочной поддержке. Он сказал, что пошлет нам весточку, когда будет готов воплотить свой план в жизнь. Мы пообещали, что отзовемся на его известие сразу же, днем или ночью, где бы оно нас ни застало.

Несмотря на то что я встречался с самыми разными женщинами и со многими из них был в связи, в глубине души я продолжал хранить детское преклонение перед Долорес. Я не мог увидеться с ней вне театра. Она никогда не назначала мне свидание, она не хотела иметь со мной ничего общего. Я постоянно ходил в театр, где Долорес выступала по два раза в неделю, просто для того, чтобы сидеть и смотреть на нее. Она не замечала моего присутствия. Вечер за вечером я проводил в каком-то трансе, глядя на нее и чувствуя, что с каждым днем люблю ее все больше. Мне было странно, что я, такой крутой парень, могу вести себя как школьник. Я послал ей цветы и часики с бриллиантовым браслетом, но она их не приняла. Были минуты, когда я впадал в отчаяние и начинал строить безумные планы, как завоевать, как заполучить ее любой ценой. Мне с трудом удавалось укрощать эти дикие фантазии. Она стала для меня наваждением. Все остальное отошло на второй план. Я был в скверном состоянии.

К счастью, важное событие отвлекло меня от мыслей о Долорес. Мы получили весточку от Фрэнка. Собирался огромный конклав гангстеров со всех концов страны. Он прислал нам адрес. Мы прибыли на место.

Это было фантастически живописное сборище. Оно прошло так, как планировал Фрэнк, и закончилось образованием национального Синдиката банд под общим руководством Фрэнка.

Когда мы возвращались домой, пришло сообщение от нашего наводчика. Он оставил нам подробные инструкции. Дело с бриллиантами было назначено на завтра. Я выступил против:

– Зачем нам рисковать с этим ограблением? Дела и так идут неплохо.

Но Макси был непреклонен:

– Во-первых, я уже дал слово; во-вторых, риск входит в нашу профессию. Мы займемся этим завтра. Я уже все распланировал.

– Слушай, Макс, – сказал я, – мы только что вернулись из поездки. Мы устали и...

Он меня перебил:

– Отлично, значит, надо немного встряхнуться. Мы поедем к Джои и расслабимся по полной.

Мы завалились в «кадиллак». Косой сел за руль. Мы поехали к Джои. Втайне от всех я стал завзятым курильщиком опиума. Я прикладывался к трубке гораздо чаще, чем мои компаньоны, потому что нуждался в зелье больше, чем они. Не знаю, может быть, так вышло потому, что я хотел избавиться от напряжения, или это было связано с тем, что я называл «долоресофобией». Только здесь, у Джои, я мог обладать Долорес, только здесь она не отталкивала меня. Наоборот, в опиумных грезах она отвечала на мою любовь с таким жаром, что я испытывал настоящее и полное физическое наслаждение.

Однако я не был до конца уверен, что именно потому так пристрастился к трубке. Ведь я испытывал и другие сладостные грезы, в которых реальные события причудливым образом смешивались с приключениями в духе Елизаветинской эпохи и превращались в живые и яркие фантазии, где участвовали короли и бароны и которые происходили в экзотических местах. Во многих я сам принимал участие, другие только созерцал, как взволнованный и увлеченный зритель. Я любил читать английскую историю; наверное, поэтому мои мечты всегда имели привкус старой Англии.

Мне удалось скрыть свое нетерпение, пока мы не вылезли из машины. На кушетке с трубкой во рту я оказался первым. Я умиротворенно откинулся на подушку, мысленно окинув взглядом все волнения последних дней. У трубки был подходящий вкус. Добрый старый Джои, подумал я туманно, у него всегда есть самый лучший опиум, и он определенно умеет приготовить трубку. Я вдохнул в себя влажный сладковатый пар. Он наполнил меня чувством мира и блаженства. Смутный образ Долорес промелькнул перед глазами. Я вдохнул еще раз, глубоко, медленно, расслабленно. Я выдохнул. Я увидел, как влажный пар поднимается вверх и образует надо мной какую-то фигуру. Это был Большой Макси в образе «барона», главаря воровской шайки. Мы направлялись вслед за ним в таверну. Мы вошли в заднюю комнату и уселись за стол. Большой Макс грохнул кулаком по столу и проревел: «Принеси нам эля!» Появился улыбающийся Толстяк Мо, неся на подносе большие кружки с пенящимся элем.

Возникшая было картина снова растворилась в завитках курившегося пара, а я продолжал находиться в блаженном ступоре, вспоминая ту волнующую весточку, которую прислал нам Фрэнки.

Глава 9

Это была фантазия о том, как образовалось криминальное сообщество.

Мы сидели, облаченные в странные елизаветинские костюмы. Мы были главарями воровских шаек. Наш ист-сайдский уличный акцент исчез, и мы говорили на тяжеловесном и напыщенном языке того времени. Мы сидели за столом в задней комнате таверны «Лосиная голова». Мы пили из высоких кружек крепкий эль и играли в карты. Рядом с каждым лежали стопки золотых монет. Наши короткие мушкеты стояли возле стульев, чтобы их сразу можно было схватить. Наш сияющий хозяин, известный как Толстый Лось, без усталости сновал взад-вперед с кружками свежего эля.

Посреди шумной игры в комнату вбежал запыхавшийся курьер с посланием от знаменитого барона Франциско, лорда Гарлема.

Большой Макси положил карты на стол и развернул письмо. Шевеля губами, он прочитал его про себя. Мы смотрели на него с нетерпением. Он отпил глоток эля, прочистил глотку, мрачно улыбнулся и сказал:

– Господа, это то, чего мы ждали. – Он похлопал по письму в своей руке. – Здесь сказано, что мы должны немедленно отправиться на собрание всех банд, которое состоится в замке нашего друга Франциско. Это собрание созвано, чтобы разработать некий план, который по размаху и смелости превзойдет все, что знала воровская история. План состоит в том, чтобы объединить все шайки нашей страны под властью одного главного барона. Я думаю, что мой добрый друг Франциско сам метит на это место, и, клянусь всеми святыми, мы его поддержим! – Для пущей убедительности Большой Макси с грохотом опустил на стол мощный кулак. – Что скажете, мои товарищи? Поднимем тост за нашего друга барона Франциско и за исполнение всех его планов!

Мы подняли наши кружки и прокричали:

– За удачу нашего друга Франциско!

Мы залпом выпили эль.

Большой Макси чмокнул губами и вытер их тыльной стороной руки.

– А теперь поторопимся, потому что нас ждет долгое путешествие.

Мы вскочили на быстрых скакунов и как ветер помчались сквозь ночь, наполняя маленькие деревушки грохотом копыт, стреляя в воздух из мушкетов и поднимая с ложа перепуганных обывателей.

На рассвете мы остановились передохнуть в придорожном трактире. Мы быстро проглотили поданную нам еду и запили ее большим количеством эля. Глупый трактирщик сделал роковую ошибку, спросив с нас плату. Мы со смехом расстреляли его из мушкетов и похоронили на заднем дворе.

С наступлением ночи, усталые и грязные, на покрытых пеной конях, мы прибыли в неприступный замок барона Франциско. Закованная в латы стража с пиками и мушкетами день и ночь охраняла покой хозяина. В замок стекались вооруженные до зубов главари. Факельщики почетным эскортом проводили нас через подъемный мост и ввели в залитый огнями замок.

Нам дали удобные комнаты, где мы смогли отдохнуть. Приняв ванну и переодевшись в роскошные бархатные камзолы и рыцарские шляпы с перьями, мы важно прошли по комнате, довольные нашими великолепными костюмами. Затем мы спустились в огромную трапезную залу, где нас тепло приветствовал хозяин, барон Франциско.

Слуга подвел нас к необъятному столу. Да, подумал я, сегодня всех этих головорезов ждет поистине королевское пиршество. На столе стояли золотые блюда, наполненные отборнейшей снедью: цельными тушами диких вепрей, молодыми поросятами, всевозможной дичью и домашней птицей, зажаренной с пряностями и поданной в вине. Здесь были и огромные

чаши с новым экзотическим блюдом под названием «спагетти», в настоящем сицилийском стиле. На соседних блюдах лежали горы хлеба, рядом стояли подносы с иудейским деликатесом – измельченной куриной печенью, и глубокие кастрюли, в которых дымился горячий суп. Я заметил странные фрукты, привезенные из-за моря из далеких стран, и длинные ряды пирожных и тортов, изготовленных в самых причудливых формах и пропитанных ликером.

Барон Франциско восседал во главе массивного стола. По правую от него руку располагался его самый доверенный советник, утонченный и бесстрастный Денди Филипп из Казетеля.

По левую руку от барона сидел коварный Хьюго, по прозвищу Веселый Плут, князь Мэна и Хэйтона и претендент на титул Верховного лорда всего Йорка. Он был одет в дорогой костюм из тигровой шкуры, что говорило о его причастности к древнему могущественному клану Там-о-ни.

Позади барона тесной группой стояли его личные телохранители, самые свирепые рыцари страны. Один из них был сморщенный, злобный и жестокий Джозеф, которого в насмешку прозвали Джозеф Солнцедар.

Я узнал сэра Чарльза Пушечное Ядро, признанного мастера во всех видах насильственной смерти, и сэра Майкла, Щеголя из Каппола, кровожадного разбойника и меткого стрелка, не расстававшегося с пистолем, а также многих других бандитов и убийц из Гарлема, родового владения барона Франциско.

Сидя за столом, по обе его стороны, насколько хватало глаз, мы видели самых знаменитых преступников страны. Сэра Джозефа, по прозвищу Адонис, – лорда Бруклина. Сэра Артура, известного как Голландец, – владетельного лорда Бронкса. Позади них стоял безумный убийца Макколл, прозванный Бешеным Псом. С ним соседствовал душитель Кривоног, высокий и мускулистый, родом из Уайнбурга. Был тут и пресловутый главарь со шрамом, представитель центральных графств, лорд Капоне вместе со своей пестрой командой. Присутствовали могучие, неукротимые, багроволицые рыцари северных земель из города Де-Трой. Был Дикарь Уильям, лорд далекого юго-западного графства под названием Техас, и его неистовые помощники. Был Питер Печатник, лорд Томпсон, чьи способности к подлогу и изготовлению фальшивых денег стали легендой. Рядом с ним расположился скрытный и безжалостный Счастливчик Чарли, глава тайного ордена Сицилийской лиги. Соседом его являлся хитроумный и напыщенный Эдвард Старший, брат барона Франциско, и его латинская шайка, прозванная «Сорок воров».

На другом конце стола сидел длинноногий барон Цвиль, хранитель и защитник Нью-Арка и Южного Джерси. Рядом с ним разместился Оуни Мэдден, лорд Западного города, и его кровожадные кельты. Были здесь также Эрик Книжник и Уильям Мавр из Пассейика, лорды Северного Джерси. Далее разместились парочка хладнокровных и расчетливых бандитов, Леопард и Гурра, лорды и владетели Восточного города, и их необузданные семиты. С ними соседствовали Мейер Копье и его товарищ Багтси Орел с кучкой наемников – обкуренных латинцев и семитов, которые убивали за деньги и служили тому, кто давал больше.

Я повернулся к своим товарищам и сказал:

– Не бывало еще случая, чтобы столько бандитов, убийц и продажных политиканов собирались в одно и то же время и под одной крышей.

– Не относите ли вы к ним и самого себя, сэр Лапша? – серьезно спросил меня мой рослый приятель. Я проигнорировал его вопрос.

Праздник начался, но набитые пищей рты изрыгали ругательства, а сотрапезники бросали друг на друга яростные взгляды, грозившие смертью. Воздух был тяжел от злобы. Только страх и уважение к нашему хозяину, барону Франциско, удерживали собравшееся здесь дьявольское общество от буйства и саморазрушения.

Не успели мы как следует напиться и наесться, как прозвучал оглушительный удар большого гонга. В трапезной воцарилось глубокое молчание. Пораженные гости подозрительно

поглядывали друг на друга. Один из нас встал, подняв руку и требуя к себе внимания. Все взгляды обратились на него. Это был Денди Филипп из Казетеля. Его привлекательное лицо выражало легкое презрение, когда он окинул холодным взглядом всех сидевших за столом.

Ясным, неторопливым и сдержанным голосом он произнес:

– Настало наконец время приступить к делу. Я постараюсь вкратце объяснить, почему мой лорд и сюзерен, – он учтиво поклонился в сторону барона Франциско, – решил собрать здесь вместе всех заклятых врагов. Действовать надо заодно, в интересах каждого из нас. Воюя между собой и убивая друг друга, мы понапрасну теряем время и людей. Добычи хватит на всех. Кровавое пролитие надо остановить! Мы должны объединить воровские шайки всей страны в единую организацию. Эта организация будет названа Синдикатом.

Начался шум и отрицательные покачивания головой со стороны некоторых гостей. Филипп из Казетеля молча смотрел на них. Он наклонился над столом; его пронзительный взгляд переходил от группы к группе, как будто читая их мысли. Когда Филипп продолжил, его голос стал более резким.

– Наш Синдикат должен иметь своего главаря. – Он прибавил с едкой улыбкой: – Разумеется, вы совершенно свободны в выборе и сами можете решить, кто им станет. – Тут улыбка исчезла с его лица, а голос стал похож на глухое рычание, когда Филипп медленно и веско произнес, взвешивая и подчеркивая каждое слово: – Но на самом деле не может быть никаких сомнений, кто станет главарем, потому что среди нас есть лишь один человек королевской крови, чье бесстрашие и чья родословная дают ему право на этот титул.

Филипп из Казетеля быстро дал знак сэру Джозефу Солнцедару, который стоял позади барона Франциско. Джозеф сунул руку за буфет. Он протянул Филиппу запечатанный пакет, который тот не торопясь распечатал и извлек на свет золотую корону, усыпанную драгоценными камнями.

Все общество в немом изумлении смотрело, как Филипп водрузил корону на голову барона Франциско. Тот сказал:

– По единодушному решению всех собравшихся здесь лордов я объявляю себя королем Франциско. Первый главарь Синдиката воровских шаяк избран.

Король Франциско поднялся с величественным видом и улыбнулся изумленной и оцепеневшей ассамблее. На лицах некоторых гостей появилось негодование. Он с вызовом оглядел всех сидевших за столом и отвесил насмешливый поклон:

– Благодарю вас за оказанную честь, милорды.

Франциско не дал своим гостям ни одной минуты, чтобы они могли оправиться от шока. В учтивой и доверительной манере он развернул перед собравшимися смелый проект по развитию и укреплению Синдиката – строительство крупных винокурен, где будут изготавливаться крепкие напитки, наем торговых кораблей для перевозки заграничного товара, получение гигантских прибылей за счет распространения и функционирования хитроумных устройств, называемых «игральными автоматами»; управление игорными домами и подпольными тотализаторами, включая контроль над всеми азартными играми и лотереями по всей стране. Его Величество подробно остановился на доходных заведениях, где практикуются такие королевские виды спорта, как скачки и собачьи бега. Он обрисовал нам будущее, полное изобилия и процветания для всех.

По мере того как король развивал новые и новые идеи по извлечению сказочных доходов из обычной массы простолюдинов, напряжение в зале постепенно спадало. На лицах появились счастливые улыбки, когда Его Величество начал щедрой рукой раздавать своим лордам земельные владения. Он сказал, что в Синдикате должны быть два основных правила: во-первых, никто не должен вторгаться на чужую территорию. И второе. Он сделал паузу и улыбнулся.

– Убийство между членами Синдиката категорически запрещено, за исключением, – тут король Франциско снова сделал паузу и приятно улыбнулся, – за исключением тех специаль-

ных случаев, когда на это выдается санкция монаршей власти. Все лорды равны между собою, кроме Филиппа из Казетеля, который будет вторым после меня. Я назначаю его главным казначеем и государственным министром. Питер Печатник будет главой Королевского монетного двора и главным архивариусом. Главами исполнительной власти, начальниками военной полиции и чрезвычайными министрами похоронных дел я назначаю сэра Макси, сэра Лапшу, сэра Косого и сэра Патси, лордов нижних восточных земель. – Его Величество король Франциско сдвинул свою корону набок. – Есть какие-нибудь вопросы или возражения, милорды?

Сэр Макси встал, держа наготове мушкет. Сэр Патси, сэр Косой и я сделали то же самое. В зале стояла глубокая тишина. Никто не двигался и не говорил. Большой Макси взял со стола бокал. Резким жестом он поднял его вверх.

– Милорды, я предлагаю выпить за нашего короля!

Из-за стола один за другим стали неохотно подниматься главари воровских шаяк, держа в руках бокалы и глядя на короля Франциско. Они поклялись ему в верности и хором прокричали:

– Да здравствует король!

Снова ударил огромный гонг. Появились музыканты, игравшие на своих инструментах, вместе с ними в зал вошли пажи, которые несли подносы, наполненные грудami бриллиантов, рубинов и изумрудов, и тяжелые корзины с золотыми дукатами – подарки Его Королевского Величества новым вассалам.

И снова ударил гонг. Во всех дверях зала показались прекрасные полунагие девушки. Они танцевали и пели неземными голосами.

– Что за чудное зрелище, – сказал я с восхищением.

Гости смотрели на девушек с плохо скрытым нетерпением, ожидая того момента, когда можно будет заполучить себе одно из этих очаровательных созданий.

Танцовщицы были всех оттенков и мастей. Белокожие сдержанные девы с безупречными фигурами двигались плавно и сладострастно; теплые и более смуглые девушки танцевали с томной негой. Чувственные красавицы с оливковой кожей стояли в отдельной группе, вращая бедрами в дразнящем непрерывном ритме. Соблазнительные, темные или совсем черные амазонки танцевали в медленном темпе. В зале были красные, голубые и зеленокожие красотки. Через некоторое время все девушки, продолжая гипнотически покачивать телами и подрагивать бедрами, образовали один круг. Темп танца ускорился, небесные создания вращались все быстрее и быстрее, их движения сливались в безумный разноцветный вихрь. Они кружились, кружились и кружились, как живой водоворот, охваченный неистовством и страстью. Внезапно из этого клубка выпала одинокая нагая фигурка. Она выскользнула из круга и поникла лицом вниз, склонившись к мраморному полу. Потом девушка снова поднялась во всей своей нагой красоте – самое чудесное создание во Вселенной! Нет, она не была хрупкой девушкой. Она была женщиной, соблазнительной и вожаемой, с чувственным и сильным телом, обольстительной в каждом своем жесте, созданной для одной-единственной цели – ради наслаждения мужчины!

Какая-то легкая дымка прикрывала ее очаровательную наготу. Словно небесное благоухание окутывало девушку нежной паутиной. Она делала пируэт за пируэтом, и казалось, что ее взлетающие в воздух руки источают дивную музыку, как пальцы ангелов, играющих на арфе. Небесный аромат, волшебная музыка, возбуждающее тело – все это подходило ко мне все ближе и ближе! Ее голос страстно шептал: «Милый мой, иди ко мне, иди ко мне».

Внезапно я все понял. Танцовщица была Долорес! И она звала меня к себе! Это ко мне, Лапше, девушка приближалась в танце. Я почувствовал, что ее благовонное женское тепло неодолимо манит меня к себе, как притяжение сильного магнита. Возбужденные, затвердевшие бутоны ее полных обжигающих грудей рдели, как два символа бесстыдной страсти! В этот миг она была раскалена добела, она извивалась, она корчилась в сладостной агонии! Ее обезу-

мевшие бедра сотрясало бурное неистовство! Она была в экстазе, она исступленно жаждала отдаться! Она была высшим даром небес!

Все мое существо вспомнило ее. Я погрузился в нее всей своей жизнью, всей душой. Мы слились вместе, срослись в одно целое, охваченное неземным восторгом. Моя душа растворилась в океане райской любви, которым была Долорес. Она парила вверх и вниз, переполненная острым наслаждением, трепеща от напряжения и беспредельной страсти. Это было как замедленное извержение вулкана. Как взорвавшийся внутри салют гигантских, излучающих блаженство пульсирующих звезд.

Глава 10

Неожиданно кто-то похлопал меня по щеке. Туман полностью рассеялся. Грубый голос промычал мне в ухо:

– Просыпайся, просыпайся, нам пора ехать. Ты слышишь, Лапша?

Я открыл глаза. Это был Большой Макси, стоявший у моей кровати. Я сел и огляделся по сторонам. Патси стоял перед зеркалом, засовывая пушку в подмышечную кобуру. Я поднялся с кровати. Я еще ощущал тяжелый сладковатый запах опиума, но чувствовал себя вполне нормально, если не считать легкого возбуждения.

Господи, что за сон! Он казался мне ярче, чем реальность. Если бы я и наяву так же мог держать Долорес в объятиях, как это было во сне! Я с тоской вздохнул.

Макси перезарядил револьвер сорок пятого калибра и бережно протер его носовым платком. Он засунул оружие в кобуру, кивнул на спящего Косого и сказал Патси:

– Разбуди его, нам пора двигаться.

Раздался стук в дверь. Я открыл. За дверью стоял улыбающийся Джои Китаец.

– Ну что, парни, вы готовы? – Он усмехнулся. – Приятные были сны, ребятки? – Джои повернулся к Максусу и спросил: – Сможешь мне уделить несколько минут? Нужен твой совет. Сегодня утром доставили свежую партию зелья.

Макси надевал пиджак. Он сказал:

– Конечно, Джои, о чем разговор. Мы можем уделить несколько минут для друга.

Мы спустились вместе с Джои в подвал. Он открыл большую стальную дверь. Мы прошли по узкому длинному коридору. Он отпер еще одну стальную дверь. Мы вошли в ярко освещенную комнату. Там, склонившись над столом, сидели пятеро китайцев.

Джои представил нас своим улыбающимся соотечественникам. Те принадлежали к тому же тонгу⁷, что и он, под названием «Он Леонг». По-английски они говорили лучше, чем мы. Я заметил это Джои. Он прошептал мне на ухо: «Они учились в Колумбийском университете».

У пятерых китайцев были закатаны рукава. Некоторое время мы смотрели, как они скалывают маленькие шарики, похожие на темное тесто, намоченное в воде.

Джои гордым тоном пояснил:

– Так готовят опиум для курения. Его надо размять и увлажнить. Эта операция требует большого опыта. – Он потрепал по спине сидевшего рядом китайца. – А эти – художники в своем деле. – Джои указал на стоявшую в углу коробку и спросил у Макси: – Что за товар? Что ты скажешь о его качестве?

Я с интересом нагнулся над коробкой:

– А я думал, что опиум всегда есть опиум, и сорт у него один.

Макси напустил на себя вид школьного учителя, объясняющего урок ученику.

– Видишь ли, Лапша, пока ты прохладился в своем Сидар-Ноулзе, Профессор меня кое-чему научил насчет этого зелья. Есть «Патна», «Бенарес» и «Малива». У каждого сорта свой вкус и запах, потому что они растут на разных почвах и в разных странах.

Мы с Джои кивнули, оценив познания Макса.

В боксе было штук сорок четырехфунтовых шаров, уложенных впритык аккуратными рядами. Макс взял один из шаров и сколупнул с него почти дюйм маковых листочков.

– Упаковщик использовал листья в качестве обертки, – пояснил он.

Макс отщипнул кусочек от темной обнажившейся начинки, потер между пальцами, понюхал, попробовал на язык и заявил:

– Отличное зелье, Джои. Чистая «Патна».

⁷ Тонг – тайное общество китайцев, живущих в США.

Джои одобрительно кивнул:

– Я так и думал, Макс, но был не совсем уверен. Спасибо за консультацию.

Мы сказали «пока» Джои и его улыбавшимся рабочим и поднялись по лестнице. Какой-то шипящий и фыркающий кот преследовал свою подругу вдоль по темной, узкой и пустынной улице. Мы с интересом проследили, как он зажал ее в углу между мусорными баками. Она взвизгнула от боли и удовольствия, когда тот прыгнул ей на спину и вонзил зубы в шею, принуждая к повиновению.

Мы залезли в «кадди», смеясь и чувствуя легкую дрожь возбуждения. Макс напел какую-то непристойную пародию на песенку «Все это делают, всегда».

Косой сел за руль и оглянулся на Макси, ожидая инструкций.

Тот посмотрел на часы и сказал:

– Три часа ночи, еще полно времени, чтобы принять ванну и по-настоящему взбодриться.

– Он задумчиво почесал подбородок. – Заодно устроим себе алиби у Латки.

Косой повернул ключ, нажал на газ, включил первую скорость и повез нас в верхнюю часть города, на Саус-стрит. По дороге он совершал необходимые действия, но мне всегда казалось, что во время езды Хайми просто сидит за рулем, а машина сама исполняет малейшие его желания, как волшебная лампа Аладдина.

Когда за рулем находился Косой, машина становилась живой. Она была женского рода, и в трудные минуты, когда у нас случались проблемы, он обращался к ней почти со страстью. Он называл ее Малышкой таким пылким тоном, словно это была его любовница. Сидя за рулем, он превращался в дьявола. Он мог выкидывать с машиной такие фокусы, какие не снились голливудским каскадерам. В Ист-Сайде он слыл одним из лучших водителей. Но и лошадка была ему под стать: наш «кадди» – особый экземпляр с пулезащитными дверцами и стеклами и с усиленным мотором, способным развивать сто двадцать пять миль в час.

Мы быстро и бесшумно мчались по ночному городу. Большой черный автомобиль, как хамелеон, скользил по темным и пустынным улицам. Внезапно мы выехали на яркий свет, в гущу движения и шума.

– А! – воскликнул Косой, глубоко вдохнув воздух. – Шанель номер пять.

Мы прижали к носу носовые платки.

Макси наклонился вперед, впившись пальцами в спину Косого, и сказал:

– Послушай, сколько раз тебе говорить, чтобы ты закрывал окно, когда мы проезжаем мимо Фултонского рыбного базара?

Косой рассмеялся:

– Нельзя же быть такими чувствительными, парни. Для меня это очень приятный запах. Как от перезрелой шлюхи.

Оставив позади рынок, мы задышали глубже. По сравнению с рыбной вонью затхлый воздух Ист-Ривер казался почти свежим. Мы быстро спустились в нижнюю часть Ист-Сайда и углубились в лабиринты его улочек.

Наконец впереди появилась тускло светящаяся вывеска: «Турецкие бани Латки». Косой переключил на нейтральную скорость и мягко подал машину к входу. Он выключил урчащий мотор. Мы вошли в бани.

В том, как улыбающийся Латки пожимал нам руки, чувствовалась забавная смесь страха, уважения и радости. Он лично проводил нас в самые лучшие комнаты заведения. Мы разделались и голыми двинулись в парилку. Когда мы шли по баням во главе с Максом, мягкое шлепанье наших босых пяток по каменному полу и вид наших голых волосатых тел навели меня на странную мысль. Дарвин оказался прав. Я мог побиться об заклад, что дикого зверя в нас было гораздо больше, чем *homo sapiens*. Мне чудилось, что мы, как стая свирепых животных, идем по жарким, дымящимся джунглям. Смуглое тело Большого Макса лоснилось крупными мышцами, его кошачья походка, когда он стремительно шагал по залу, таила в себе силу и грацию

тигра-убийцы. Патси шел на шаг позади, его длинные ноги и руки двигались в безупречном ритме, мощные мышцы волнообразно ходили под кожей, покрытой густым темным волосом. Его скользкие движения напоминали крадущуюся черную пантеру. Косой больше всего смахивал на леопарда. Я усмехнулся про себя, подумав, на какого зверя похож сам.

Мы прошли через вращающуюся дверь в жаркую сухую комнату. Горячий воздух обдал наши прохладные тела, как тяжелый жар от раскаленной добела печи.

Пол обжигал нам пятки. Косой стал прыгать с ноги на ногу. Я все еще чувствовал себя слегка под кайфом.

Я сказал:

– В чем дело, ребята? Слишком жарко? Надо привыкать. Вы же не хотите, чтобы наш друг Мефистофель смеялся над нами, когда мы все в конце концов окажемся в его владениях?

Косой спросил:

– Какого черта? Что за тип этот Мефистофель? Фамилия у него какая-то греческая.

Я рассмеялся:

– Пусть будет грек, черт с ним. Вообще-то это парень с рогами и вилами, который живет под землей.

Косой наклонился и показал на свой зад:

– Если я когда-нибудь с ним встречу, пусть он поцелует меня в точес. – Он заметил кресла с откидной спинкой и запрыгал к ним на одной ноге. Косой расположился было на сиденье, но в следующий момент подскочил в воздух, разразившись громкими проклятиями: – Чертов сукин сын!

– Действительно, надо привыкать. Помнишь, что нам говорила Булавка Монс: нас всех поджарят на очень горячем стуле! – засмеялся Макси.

Косой прыгал на одной ноге и потирал задницу.

– Чтоб она сдохла, эта сука.

В комнате появился человек с белыми прохладными простынями, накинул их поверх сидений, и мы смогли вытянуться на креслах. Мы чувствовали себя удобно и расслабленно.

Через некоторое время пот тек с нас уже струями. Жар стоял огненный. Косой похлопал себя по бедру:

– Ребята, как будем поджаривать мясо – с корочкой или помягче?

Патси окинул его изучающим взглядом:

– Ты слишком тощий и черствый, чтобы тебя есть, Косой.

Макси подошел к висевшему на стене термометру и воскликнул:

– Господи, здесь сто семьдесят семь градусов!

Сидевшие в парилке посетители толкали друг друга локтем и шептались. Должно быть, они узнали в нас знаменитых бандитов. Мы уже привыкли к такому усиленному вниманию. Мы с дружелюбным видом кивнули соседям. Макси попросил служащего принести для всех холодного пива. Со всех концов комнаты слышались слова признательности и благодарности.

Пара симпатичных молодых людей подошла поблагодарить нас лично. Они мялись, как две смущенных школьницы. Один из них прошепелявил:

– Мы много слышали о вафих парнях, мистер Макс. Мы хотим лично поблагодарить фас за угощение.

Другой придерживал на бедре белое покрывало и откидывал назад длинные волнистые волосы, точь-в-точь как женщина.

– Мы хотели посмотреть, так ли вы хороши без одежды, как в ней, – сказал он.

– Ну и как? – заинтересованно спросил Макс.

– Безусловно, вы очаровательны и неотразимы. Какое мужественное тело!

Я процедил сквозь зубы:

– Хватит, девочки. Валите отсюда. Идите припудрите носики.

Молодые люди торопливо запахнулись в простыни.

– Пойдем, Фрэнки, эти мальчики слифком грубы, – сказал шепелявый.

Когда они удалялись, Фрэнки помахал нам рукой:

– До встречи, милашки.

Косой презрительно сплюнул:

– Вот чертовы гомики. Надо бы их как следует взгреть. Может быть, это их излечит.

– Напрасная трата времени. Они безнадежны, – сказал я.

– Конечно, их можно только пожалеть, вот и все, – согласился Макси.

Я кивнул и добавил:

– Вряд ли они могут контролировать свои сексуальные наклонности.

Патси спросил:

– Почему вообще гомики становятся гомиками?

– В основном под действием среды, – ответил я.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Косой.

– Ну... – Я задумался, как лучше объяснить это Хайми. – Возьмем нас, например. Наша среда – это то, как мы росли, как нас воспитывали или, лучше сказать, как мы воспитывали самих себя. У нас были такие классные девочки, как Пегги, Фанни и некоторые другие.

Это воспоминание заставило нас рассмеяться.

Я продолжал:

– Мы представляем собой прямую противоположность гомикам. В каком-то смысле мы тоже не совсем нормальны. Мы находимся на другом конце спектра. Может быть, в нас слишком много мужских гормонов. Поэтому мы такие мужественные и крутые. Как я уже сказал, считается, что гомосексуализм вызывается в основном воздействием общественной среды. Но в некоторых случаях возможен и врожденный фактор.

– Скажи это по-английски, – буркнул Косой.

Макси со смехом пояснил мои слова:

– Это значит, что они родились такими в животе своей матери.

– Слушай, Лапша, – сказал Хайми. – Откуда ты знаешь все ответы? Это что, тоже врожденный фактор?

– Косой, я охотно тебе отвечу. Я родился с такими же мозгами, как все, – улыбнулся я. – Но все время развивал их чтением. Я открою тебе один маленький секрет.

Благодаря тому, что я читаю книги и знаю то и это, вы все считаете, что башка у меня варит, верно?

– Котелок вместо башки, – засмеялся Косой.

– Ладно, не перебивай. Значит, если сравнивать меня с вами, то есть с людьми, которые ничего не читают, получается, что я знаю все ответы на все вопросы, так?

– Ну и что из этого? – спросил Хайми.

– Дело в том, – продолжал я, – что по сравнению с другими людьми, которые читали гораздо больше меня и имеют настоящее образование, я, недоучка, нахожусь в том же положении, что и вы. Вот и выходит, что все относительно.

– Как у Эйнштейна? – предположил Патси.

– Вот именно. Как в теории относительности Эйнштейна.

– Значит, ты признаешь, что ты не самый умный парень на свете? Не как Эйнштейн? – спросил Косой.

– Да, – согласился я скромно. – Среди самых умных парней на свете я второй после Эйнштейна.

– Ладно, кончайте это, – сонно сказал Макси.

Мы посидели еще немного времени и перешли в другую комнату, где нас помыл служащий.

Потом Макси минут на десять удалился в офис Латки. Выйдя оттуда, он кивнул нам:
– Все в порядке, мы договорились.

После этого мы разошлись по отдельным комнатам. Я забылся тяжелым сном.

В семь тридцать Макси негромко постучал в мою дверь и тихо сказал:

– Просыпайся, Лапша. Пора вставать.

Я сразу вскочил с постели. В голове стояла муть. Наверное, на меня все еще действовал наркотик. Странно, еще совсем недавно, сидя в парилке, я чувствовал себя совершенно трезвым. А теперь меня снова повело.

Мы быстро оделись и украдкой вышли на улицу через черный ход. Никто нас не видел.

Мы направились к заведению Йони Шиммеля на Хьюс тон-стрит, чтобы слегка позавтракать.

Над Ист-Сайдом уже висело утреннее солнце. Деятельные домохозяйки вывешивали из окон простыни и одеяла, чтобы проветрить их на воздухе. Одна из женщин голосила с верхнего этажа:

– Эй, мороженщик! Мороженщик, эге-гей, мороженщик!

Мороженщик остановил свою лошадь и прокричал в ответ:

– Да, леди?

– Пришлите мне сюда наверх большой кусок льда, центов так на десять, хорошо, договорились?

– Договорились, леди.

Мусорщики уже выгружали в свои телеги вонючие отбросы и с грохотом выбрасывали пустые баки назад на мостовую.

Дверь многоквартирного дома распахнулась настежь, и оттуда вылетел молодой парень.

Он скатился по ступеням. Наверху открылось окно, и оттуда высунулась женщина, вывесив наружу свои большие груди.

Она прокричала вслед убежавшему мальчишке:

– Джейк, Джейк, дорогой мой! Хорошо води себя сегодня в школе и будь умным мальчиком.

Парнишка, не снижая скорости, ответил через плечо:

– Я буду хорошим... на том свете.

Изможденные мужчины средних лет, выглядевшие явно старше собственного возраста, тащились к своим лавкам. Пустая банка из-под сардин, вылетев в окно, едва не попала в голову отправлявшегося на работу мужа. Его воинственная жена высунулась из окна и заорала ему вслед:

– Lieg in dred, Yankel! A broch zu dir!⁸

Он ответил ей очень коротко:

– Yenta⁹.

Словно очаровательные цветы, выросшие из мокрой грязи, из темных, сырых и зловонных зданий выходили кокетливо одетые девушки, готовые начать новый трудовой день во всем блеске своей юности и свежести.

Да, думал я, проходя мимо: все эти люди – то, что называют послушным элементом. Посмотрите на них. Что за жизнь ведут они, сбившись в кучу в зловонных трущобах. Утром они отправляются на работу. Вечером возвращаются в гетто. Ну и жизнь. Мне их было жаль.

И взгляните на нас. Мы тоже выросли здесь – Большой Макси, Патси, Косой и я. Мы тоже часть Ист-Сайда и тоже начинаем новый день. Ха-ха-ха, рассмеялся я про себя. А какая

⁸ Катись к черту, Янкель! Чтoб ты сдох! (*идиши*)

⁹ Не брeши (*идиши*).

разница! Мы-то – вовсе не послушный элемент. Мы – маленькая крепкая банда, звено в мощном синдикате таких же банд. Мы – шайка бунтовщиков.

Мы неторопливо шли по грязным, кишащим людьми улицам к кофе с книшками. Будущее дело представлялось мне почти таким же нормальным и естественным, как эта прогулка. Я спорил сам с собой, задаваясь вопросом: не являемся ли мы просто неизбежным продолжением своей среды? Банды не появляются в благополучных районах города. Кто когда-нибудь слышал о шайке с Пятой авеню или с Парк-авеню? Хотя, если задуматься, у них тоже есть бандиты, только они действуют по-другому.

Мысленно я рассмеялся. Да, эти парни ведут дела умней, чем мы. Они действуют легально; там, на Уолл-стрит, они так же обчищают свои жертвы, только не пускают в ход оружие. И они тоже сбиваются в банды, в финансовые банды. Они используют деньги так же, как мы используем револьверы, – чтобы править миром. Наверное, по большому счету их мораль ничем не отличается от нашей; как знать, может быть, мы даже более честные и более порядочные люди, чем эти ублюдки. Во всяком случае, они такие же преступники, как мы. Все на свете преступники, и те ублюдки – тоже.

Какого дьявола! Мир – джунгли, и сильный поедает слабого. Самые ловкие и удачливые поднимаются на вершину всего этого дерьма. И мы – одни из них. Конечно, нашу энергию и силу можно было бы направить в другое русло, только где, черт побери, на это взять терпения? Мы хотим на вершину, и побыстрее. Мы уже сыты по горло нашей вонючей нищетой.

Мы не обращаемся с молитвой к Богу, Аллаху или Будде, как делают другие: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Нет, к черту это. Мы берем то, что хотим. Как сказал Наполеон: «Судьба – это шлюха». Да, думал я, сильные мира сего насыщаются за счет других – тех, кто неловок и неудачлив. Бездельников, слабаков выбрасывают в помойное ведро, как негодную ветошь. Но мы не такие – у нас есть хитрость, сила и крепкие нервы, чтобы вырвать свою долю из рук богатой суки-судьбы. Кажется, эту фразу я где-то прочитал.

Я усмехнулся. Все та же история – карусель из мыслей, чтобы только оправдать себя и настроиться на предстоящее дело. Что бы человек ни совершал, он всегда найдет способ убедить себя, что поступает правильно.

Я не смог удержаться от смеха, подумав о своей нелепой философии. Господи, когда же я стану по-настоящему крутым? Помню, раньше, много лет назад, когда мы только начинали, я перед работой мог буквально наделать себе в штаны.

Макси взглянул на меня удивленно и спросил:

– Что смешного, Лапша? Или ты все еще под кайфом?

– Наверное, и то и другое, – ответил я, продолжая смеяться.

Макс сказал:

– Что тебе нужно, так это выпить чашку крепкого кофе и прочистить себе мозги.

Глава 11

У Йона Шиммеля Макс, запивая книши с сыром кофе, выложил нам всю информацию.

– Наводку я получил от одной крупной шишки в страховой компании. Если верить их записям, в сейфе лежит камешков на сотни штук. Вот схема всего здания.

Макс развернул бумагу и расстелил ее на столе.

Тыкая в нужные места вилкой, он продолжал:

– Это подъезд со стороны Сорок пятой улицы, вот главный вход с Сорок четвертой, а отсюда заносят грузы. Центральный вестибюль со стороны Сорок пятой набит легавыми, потому что все здание ломится от денег. В нем держат офисы полсотни оптовых ювелиров. Самый крупный сидит на двенадцатом этаже. – Макс указал на схему вилкой. – Босс этой фирмы – низенький толстый мужик с огромным носом. Его мы и будем брать. А теперь смотрите – главный фокус в этом боковом входе со стороны Сорок четвертой улицы. – Он посмотрел на часы. – Сейчас ровно восемь. В восемь тридцать они закончат вывозить мусор через грузовой лифт. Тут мы и должны появиться. Мой информатор сказал, что с половины девятого лифт стоит без присмотра до тех пор, пока снова не начнет работать после девяти. Как я сказал, мы начнем в восемь тридцать. Мы захватим грузовой лифт, поднимемся на двенадцатый этаж и будем ждать носатого парня. Наводчик гарантирует, что Большеносый прибудет к девяти, и мы тогда примемся за дело. Порядок? Вы все поняли, ребята?

Макс строго посмотрел на нас. Мы продолжали молча жевать книши. Я кивнул.

Макси продолжал:

– Джон, наш наводчик, хочет, чтобы никто не пострадал. Его жена там работает. Кроме того, Большеносый его близкий друг, так что никакой пальбы. Разве что другого выхода не будет... – Тут Большой Макс улыбнулся и пожал плечами. – Тогда я дам вам знак, ребята, а ты, Лапша, можешь немного поработать ножиком.

Я кивнул. Патси похлопал по своей пушке.

Макси продолжил:

– Мы должны быть при всем параде. Перчатки обязательны. Никаких отпечатков пальцев. Вот пачка новых носовых платков без этикеток. Вы знаете, что с ними делать. – Он раздал нам по несколько штук. Потом повернулся к Косому Хайми. – Ты, как обычно, сидишь за рулем. Тебе рассказывать ничего не надо.

Он подчеркнул слово «тебе». Косой рассеянно кивнул и продолжал есть книш с сыром.

Большой Макси – дотошный малый, прирожденный лидер. Я им восхищался. Перед каждым таким делом он подробно обсуждал все детали, учитывал все возможности и варианты. Макс бесконечно вдабливал их нам в голову. Уклониться от инструктажа было невозможно.

– Я повторяю все еще раз, – сказал он. – Мы берем грузовой лифт. Мы поднимаемся на двенадцатый этаж.

Мы ждем, пока этот парень, длинноносый босс, не выйдет из пассажирского лифта. Наводчик говорит, что он очень пунктуален. Мы должны подвести его к стальной двери, чтобы ее открыла жена Джона. Кроме того, он единственный, кто знает комбинацию в сейфе. Вот так. Для нас это не самая трудная работа. Но не надо слишком расслабляться. Действовать будем быстро. Под контролем придется держать всего троих. Девушка из офиса на нашей стороне, я уже об этом говорил. Она – жена Джона, парня из страховой компании, который дал нам наводку. Не забывайте одну важную вещь – этих людей надо сразу парализовать страхом. Мы должны им показать, что настроены серьезно. Или мы, или они. Надо выбить из них все дерьмо. Тогда у нас будет полный контроль, и никто не запомнит, как мы выглядели. Они будут в шоке. Насмерть перепуганные люди – плохие свидетели. – Макси повернулся ко мне. – Лапша, ты

отключишь сигнализацию. Вот здесь. – Он показал мне схему офиса. – Заодно перережешь телефонные провода, ясно?

Я кивнул.

– И запомните, ребята, когда закончим, тут же растворимся, быстро и незаметно, как вонь по ветру.

Не знаю, как эти бесконечные инструкции Макса действовали на других, но я от них начинал только больше нервничать. Мне уже не хотелось ничего слушать. Мне хотелось думать о других вещах.

Я вернулся в мыслях на много лет назад, когда мы вот так же сидели вокруг Макса, за этим же самым столом, пили кофе, если у нас были деньги, и жевали книши с сыром.

Тогда мы были желторотыми юнцами, которые только что оставили свою старую и разболтанную суповую школу. Перед каждой новой эскападой мы собирались за этим столиком у Йона Шиммеля, пили кофе с книшами и разрабатывали план. Большой Макси всегда являлся у нас главным. Он отдавал приказы и разрабатывал весь план, – так же, как сейчас.

Я вспомнил, что тогда нас было пятеро – наша четверка и Доминик, да покоится его душа в мире. Добрый старый Доминик. С какой стати я о нем вдруг вспомнил?

Впрочем, я никогда о нем не забывал. Для чего играть с собой в прятки? Откровенно говоря, у меня всегда было суеверное чувство, в котором я стыдился признаться сам себе, – что Доминик или его дух наблюдает за нами, он как бы вроде нашего святого покровителя.

В те времена мы были неразлучны. Если бы он мог увидеть нас сейчас, когда мы так выросли и возмужали, когда мы запускаем свои руки чуть ли не в каждый бизнес по всему Нью-Йорку, когда мы стали знаменитой бандой, крупными людьми в Синдикате. Ему бы понравилась эта новая идея, этот преступный картель в масштабах всей страны.

Макси посмотрел на меня с упреком. Он видел: я слушаю его невнимательно, что ему не нравилось. Он знал: я витаю в мыслях где-то далеко. Но какого дьявола меня занесло к Домми и работе Синдиката? Должно быть, еще сказывалась трубка с опиумом. Господи, что за чудный сон был у меня в этот раз! Любой сон чудесен, если в нем я сжимаю Долорес в объятиях. Он был волшебен, и он был чертовски реален. Меня до сих пор пробирала дрожь при одном воспоминании.

Послушаем Макса, он все еще обговаривает детали. Какого черта? За кого он нас принимает? За дилетантов? Все это дерьмо. Пора бы ему заткнуться. Я и так вполне в себе уверен, это алмазное дело меня больше не тревожит. Пожалуй, я даже чересчур уверен. Все-таки опиум еще продолжает действовать. Да, я слегка под кайфом. Я громко засмеялся.

– Черт, Лапша, ты все еще обкуренный? – Макси толкнул меня локтем. – Ты о чем таком думаешь, что все время ржешь?

Я сказал:

– Кто это думает и ржет?

Макс выглядел раздраженным.

– Хватит бормотать себе под нос. Если будешь так себя вести, мы не скоро выкурим следующую порцию. Сосредоточься, ясно? – Макси продолжал говорить, не спуская с меня осуждающего взгляда. – Что с тобой стряслось, Лапша? Ты совсем расклеился. В этом деле надо действовать быстро и незаметно.

Я его перебил:

– Как вонь по ветру.

Он улыбнулся и похлопал меня по спине. Подозвал официанта:

– Две чашки черного кофе.

Он заставил меня выпить обе чашки. Я повиновался. После этого я почувствовал себя лучше, голова немного прояснилась. Я закурил сигару и стал смотреть, что Макси будет делать дальше.

Он посмотрел на часы и сказал:

– С минуты на минуту здесь будет Латки с нашей машиной.

Мы еще посидели и покурили, потом услышали визг тормозов у подъехавшего к дверям автомобиля. Косой сходил к двери, вернулся и кивнул.

Он сказал:

– «Кадди» на улице.

Макс расплатился по счету и оставил на столе чаевые. Мы вышли наружу.

Косой медленно ехал по Сорок четвертой улице. Он остановился за полквартиры от грузового входа. Улица была полна спешивших на работу пешеходов, вечно безразличных ко всему ньюйоркцев. Машина с мусором стояла у подъезда. Огромный, похожий на шведа парень выкачивал из нее пустые баки. Макс смерил его взглядом:

– Судя по описанию, это оператор лифта. Я возьму его на себя.

Мы подождали минут пятнадцать, пока мусорная машина не загрузилась и не уехала. Макси кивнул Косому. Тот медленно подкатил машину на то место, где стоял грузовик. Большой швед закатывал пустые баки в здание. Как профессиональные артисты, досконально выучившие роль, мы сидели в машине, выдерживая паузу, и ждали своего выхода.

– Теперь пора, – сказал Большой Макси и вышел из машины.

С невозмутимым видом он направился за шведом в здание.

Пат и я последовали за Максом.

Косой остался за рулем. Швед погрузил баки в лифт. За грохотом железа, увлеченный своей работой, он не заметил нашего бесшумного появления. Макси подошел к нему сзади. Сильный удар пришелся шведу под правое ухо. Он рухнул на пол без сознания. Мы с Патом его подняли и бросили в лифт между пустыми баками.

Мы вошли в лифт. Патси начал нажимать на кнопки. Вместо того чтобы пойти вверх, лифт начал спускаться вниз, в подвальное помещение.

Макси спокойно сказал:

– Ничего страшного. Подождем пока здесь.

Мы сели на пустые баки и молча закурили. Я нервничал и чувствовал себя напряженно, но старался этого не показывать. Спустя немного времени Макс взглянул на часы:

– Ладно, пора ехать. Сейчас без пяти девять. Надевайте перчатки.

Мы так и сделали.

Он нажал на кнопку. Лифт, все время дергаясь, доставил нас на двенадцатый этаж. Никто ничего не говорил. Мы были за работой.

Мы оглядели коридор. На другом его конце был пассажирский лифт. Коридор напоминал по форме букву «Т». Это полностью соответствовало схеме нашего наводчика.

Точно в девять дверь пассажирского лифта открылась. Подобравшись, как коты, готовые прыгнуть на ни о чем не подозревающую мышь, мы смотрели, как маленький, пухлый, длинноносый человек трусил нам навстречу.

Макси прошептал:

– Это наш боров. Приготовьтесь.

Мы прикрыли носовыми платками нижнюю часть лица. Я щелкнул лезвием ножа. Остальные вытащили пушки. Мы направились к Большеносому. Он что-то беззаботно насвистывал себе под нос, не обращая на нас никакого внимания. Мне стало слегка жаль этого парня, когда я представил, какой шок он сейчас испытает. Потом я сказал себе: «Забудь о нем. У него есть что взять; или он, или я».

Большой Макс и я двигались к жертве вдоль стены, крадучись, как две пантеры. Большеносый нас заметил. Он остановился. Он перестал свистеть. На его лице постепенно появился страх. Мы накинулись на него. Я угрожающе взмахнул ножом перед его горлом. Макси ткнул ствол ему в живот и прошипел:

– Тихо, ублюдок, или мы кончим тебя прямо здесь.

Он разинул рот. Его глаза остекленели. Он начал заикаться и что-то бормотать трясущимися губами. Макси толкнул его в сторону офиса. Мы спрятали оружие. За стойкой у дверей сидела девушка. Она была хорошая актриса. Увидев босса, она улыбнулась и сказала: «Доброе утро». Девушка нажала на кнопку. Тяжелая стальная дверь открылась.

Мы вошли внутрь. Какой-то клерк поднял на нас голову. Онемев от изумления, он смотрел, как мы достаем оружие. Он сделал шаг к нам. Тонем глубочайшего недоумения клерк произнес:

– Позвольте, что здесь происходит?

Макси ударил его пистолетом по голове. Тот медленно опустился на пол, закричав от боли:

– О, моя голова!

Из внутренней части офиса выбежал высокий худой паренек, на лице у него были написаны удивление и страх. Патси огрел его по башке пушкой. Тот рухнул на пол, стеноя и кровотока. Мы связали обоих и заткнули им рты кляпом. Все это время девушка наблюдала за нашими действиями с неподдельным интересом. Каждый раз, когда наносился удар, она издавала странный сдавленный крик: «О-о-о, о-о-о», как будто ее это сильно возбуждало. Она ерзала и терлась спиной об угол стола.

Макси толкнул длинноносого босса к большому сейфу и прошипел:

– Открывай, ублюдок.

Большеносый замотал головой:

– Нет, я не открою.

Макс сделал широкий размах. Его рука просвистела в воздухе, как бич. Чудовищный удар пришелся Большеносому по лицу. С его головы слетел парик. Половина лица сразу залилась кровью. Верхняя часть начала распухать. Он разинул рот, нелепо свесив его набок. Челюсть у него была сломана. Он заливался слезами, невнятно бормоча и умоляя о пощаде. Охваченный безумным страхом, он начал набирать комбинацию сейфа.

Краем глаза я следил за девушкой. Когда Макси врезал Большеносому, в ней что-то изменилось. На вид это была тощая плоскогрудая девица, тихая, скованная и робкая, как мышонок. Но мое впечатление оказалось обманчивым. Внутри девица вся кипела. Лицо у нее покрылось пятнами, а щеки пылали от едва сдерживаемого возбуждения.

После оплеухи, которую Макси отвесил Большеносому, она окончательно вышла из себя. Она кинулась на нас. Я ее схватил. Она чуть не вцепилась мне в лицо острыми ногтями. Я откинул голову и продолжал ее держать.

Я выдохнул ей в ухо:

– Прекрати, сука, ты уже переигрываешь.

Девица мне не ответила. Она хотела меня укусить.

Я ее выпустил и отпрянул назад. Но девка вцепилась в меня еще крепче и попыталась выцарапать мне глаза, не переставая при этом все время истерически рыдать. Мне пришлось бросить нож и взяться за нее обеими руками.

Разъяренные женщины знают, где у мужчины самое уязвимое место. Она попыталась ударить меня коленом. Я зажал ее колено между своими. Я ничего не мог с собой поделать. У меня началась сильнейшая эрекция.

Когда дело касается женщин, у меня нет ни капли совести. Размер, форма, цвет, тип, время, место и вероисповедание не имеют никакого значения. Я смотрю на женщин только с одной мыслью. На мой взгляд, у них есть одно-единственное предназначение. Но эта сука в таком месте и в такое время была не для меня.

Я не хотел причинить ей боль.

Я прошипел ей на ухо:

– Хватит, довольно, что с тобой случилось?

Она тяжело дышала:

– Ударь меня, ударь меня.

– Зачем? – Я опешил. – Ты и так хорошо сыграла свою роль. Хватит.

– Нет, нет, – рыдала она, – ударь меня. Я хочу этого, я хочу.

Она хлестнула меня по щеке. На мгновение я потерял контроль. Я схватил девицу за руки и выпустил ее колено. Садистка тут же заехала мне ногой в пах. К счастью, я вовремя успел собраться. Все, что ей удалось, это на секунду выбить из меня дыхание. Я потерял терпение. Я ударил ее левым куком в челюсть.

Она растянулась на полу. Под платьем у нее не было ни чулок, ни трусиков. Она лежала, широко раскинув ноги.

Вся эта возня с девушкой заняла меньше минуты. Я оглядел помещение. Пат караулил у двери. Двое клерков лежали на полу и испуганно пялились на нас. Я видел, что все их рефлексy парализованы ужасом. Они были в шоке.

Большеносый все еще возился с комбинацией. Руки у него дрожали. Потребовалось время, чтобы он смог открыть сейф и распахнуть его темные внутренности. При виде них я почувствовал какое-то болезненное вожделение. Наверное, это было связано с только что пережитой борьбой. Меня волновала мысль о девушке, все еще лежавшей на полу. При виде открывающегося сейфа моя эрекция возобновилась. А может быть, ее вызвала девушка, распростертая передо мной в бесстыдной позе? Обе эти вещи каким-то образом смешались у меня в голове. В любом случае распахнутый сейф манил меня к себе. Я заглянул внутрь.

С чувством острого удовольствия я начал вытаскивать из сейфа маленькие конверты с бриллиантами. Я протягивал их Максy. Он рассовывал конверты по карманам. Надетые на руки перчатки мешали работать. Я выронил один пакет, и бриллианты рассыпались по сейфу.

Макс помог мне их собрать, предупредив:

– Осторожней, Лапша, не торопись.

Макс оглядел внутренность сейфа. Он выдвинул все ящики, чтобы проверить, не забыл ли я чего-нибудь, и прошептал:

– Готово. Мы сорвали банк. А теперь, Лапша, перережь телефонные провода и выруби сигнализацию.

Я вытащил нож и сделал свою работу. Макс и Патси толчками и волоком загнали клерков и их босса во внутреннюю комнату.

– Лучше свяжи эту бесноватую потаскуху, Лапша, и перетащи ее туда же, – сказал Макс.

Я взглянул на нее. Она была в сознании. Она смотрела на меня возбужденным взглядом, прищурив блестящие глаза. Я наклонился, чтобы ее связать. Она была совсем не тем, чем казалась на первый взгляд. Пока я ее связывал, девица лежала смирно, но непристойности, которые она все время шептала мне на ухо, противоречили ее внешнему спокойствию.

Когда я тащил ее во внутреннюю комнату, она пообещала мне море наслаждений, если я встречу с ней как-нибудь ночью.

Я покачал головой:

– Я не смешиваю работу с удовольствием, детка.

Когда я опускал девушку на пол, мне поневоле пришлось сжать ее в руках. Она закрыла глаза, извиваясь на полу, как животное во время течки.

Макс и Патси не заметили всех этих тонкостей в возне с женой наводчика. Они видели только, что она была в истерике. Парни приписали ее поведение нервозности момента.

Макс оглядел офис.

Он удовлетворенно кивнул и щелкнул пальцами. Это означало отбой. Мы сняли с лиц повязки и убрали оружие в кобуру.

Мы вернулись к грузовому лифту. Патси нажал кнопку «вниз». Швед на полу зашевелился. Он попытался подняться на ноги, споткнулся об один из баков, свалил его и поднял страшный грохот.

Макси кивнул Патси:

– Утихомирь этого ублюдка, а то от него шума как от двух скелетов, танцующих на жестяной крыше.

Патси вытащил свое «успокоительное средство» и со страшной силой обрушил его на голову шведа.

Большой швед успокоился.

Мы спустились на первый этаж и неторопливо, один за другим, вышли на улицу.

Косой сидел за рулем машины с включенным мотором. Мы залезли в «кадди».

– В гостиницу Эдди.

Через минуту мы были в гуще уличного движения. Косой остановил машину у гостиницы. В вестибюле стоял улыбающийся Эдди. Он кивнул нам. Макси сделал ему знак, чтобы он оставался на месте.

Мы вошли в личный кабинет Эдди и закрыли дверь. Макси открыл сейф, вынул из кармана ключ и отпер им наш персональный ящик. Он положил в него конверты и запер сейф. Мы вышли из кабинета, и Эдди проводил нас понимающим кивком.

Все это время никто из нас не говорил ни слова. Мы подъехали к заднему входу в банях Латки, незаметно прошли в свои комнаты и разделись. Потом как ни в чем не бывало мы появились в банных помещениях. Было половина десятого. В такое время бани еще пусты. Обслуживающий персонал закончил свои утренние дела и приготовился к вечернему наплыву. Теперь все разошлись по комнатам, чтобы отдохнуть, потому что позже это будет невозможно.

На месте был только Латки, поджидая нас. Он прошептал:

– Все в порядке, Макс, как договаривались. – Он указал на большие часы, висевшие в холле. Они показывали двадцать минут девятого. Латки спросил: – Все нормально, Макс? Я перевел стрелки назад на час двадцать.

Макс кивнул:

– А как насчет часов в парикмахерской?

– Там то же самое.

– Ладно, ладно. Хорошо. Разбуди двоих банщиков и парикмахера. Скажи им, что мы только что встали. Подожди-ка. – Макс положил руку на плечо Латки. – А у этих парней нет своих часов? Карманных, например?

Латки улыбнулся:

– Да, но я их запер у себя в сейфе вместе с остальными вещами. Так что правильное время они узнают у меня или по часам в холле. Все продумано, можешь не сомневаться, Макс.

Сонные банщики и парикмахер, ворча, вышли из своих комнат. Однако, увидев нас, они оживились, предвкушая большие чаевые. Нас всех обтерли спиртом и побрили. Время от времени мы спрашивали, который час, чтобы это отложилось у них в памяти. Как и задумал Макс, теперь, если нас арестуют как подозреваемых, найдется множество надежных свидетелей, которые подтвердят, что между половиной девятого и половиной десятого мы находились за много миль от Сорок четвертой улицы.

Закончив свой туалет, мы дали банщикам и парикмахеру по десятке с каждого. Те рассыпались в благодарностях. Потом они вернулись в свои комнаты.

– К Толстяку Мо, Макс? – спросил Косой, когда мы уселись в «кадди».

Большой Макс кивнул.

Глава 12

Макс открыл заднюю дверь нашего заведения. Мы вошли внутрь. Со вздохом облегчения сели за стол.

Толстяк Мо принес на подносе бокалы с двойной порцией виски. Он радостно нам улыбнулся. Напитки с подноса переключались на стол.

– Я услышал, как вы вошли, ребята, – сказал он.

Макс взял свой бокал, сделал большой глоток и спросил:

– Есть новости, Мо? Кто-нибудь приходил?

Мо окинул нас понимающим взглядом. Он покачал головой: «Ни одной живой души» – и вернулся на свое место за стойкой бара.

Макс вытащил из ящика стола пригоршню «Короны». Он дал каждому по штуке. Мы закурили. Мы медленно потягивали виски и курили сигары.

Наши нервы были все еще возбуждены. Мы только что провернули очень выгодное дельце, и вызванное им волнение продолжало в нас бурлить в поисках выхода.

Поскольку Косой не был с нами наверху, его интересовали подробности. Макси вкратце описал ему всю историю.

Патси с усмешкой посмотрел на меня через стол:

– Почему бы тебе не рассказать Косому, о чем ты болтал со своей кошечкой? У этой девчонки шило в заднице, а, Лапша?

Я скромно улыбнулся.

Пат продолжал:

– Косой, тебе бы надо было посмотреть на физиономию того парня после того, как Макс ему впечатал. Теперь на него даже жена не взглянет, разве что в день полочки.

С каждой порцией спиртного, которое приносил нам Мо, наше напряжение спадало. Собственные замечания казались нам все более блестящими и остроумными.

Да, мы чувствовали себя веселыми и возбужденными, как было бы с любой мужской компанией, успешно завершившей рискованное предприятие.

– А что за нос у этого парня! – со смехом сказал Макс. – Если такой нос набить деньгами, то можно смело уходить на пенсию. – Когда смех затих, он продолжал: – Должен сказать, что мы мастерски провернули эту операцию. Профессор нами бы гордился.

– Помнишь его четыре правила успешного ограбления?

Макс их перечислил:

– Во-первых, надежный наводчик. Во-вторых, быстрое и безопасное передвижение. В-третьих, и самое главное, надо действовать резко, грубо и стремительно. Знаете, – Макс потянулся к новому бокалу, – я почти забыл про четвертое условие. Ах да – нужно иметь безупречное алиби.

Он оглянулся по сторонам с удовлетворенной улыбкой. Он ожидал нашего одобрения.

Я выдержал паузу и сказал:

– Да, Профессор многому нас научил. А как насчет того, чтобы пожрать? Или никто не голоден?

Макс сказал:

– Отличная идея. Я совсем забыл про еду.

Он послал Косого к Кацу. В дверях Косой повернулся и спросил:

– А что заказывать?

Патси подал голос:

– Мне четыре горячих пастрами.

Макси улыбнулся.

– Я не очень голоден; возьми мне два горячих пастроми и еще пару сэндвичей с солониной.

Косой сказал:

– Себе я возьму полдюжины хот-догов. А как ты, Лапша?

Я ответил, уже чувствуя во рту слюну:

– Два с вареным языком и два с горячей солониной.

В ожидании, пока Косой принесет жратву, мы курили и тянули из бокалов, погрузившись в удовлетворенное молчание. Мои мысли снова вернулись к жене наводчика. Может быть, следовало назначить ей встречу? Нет, такая стерва доконает любого мужика, даже меня. С ней лучше не связываться. Я рассмеялся про себя. Три-четыре разных и нормальных женщины в неделю мне вполне достаточно. И все-таки я чувствовал себя возбужденным. Я вытянулся в кресле, очень довольный самим собой и всем, что меня окружало. Я погрузился в полудрему. Я попытался выкинуть из головы жену Джона и вместо этого посмаковать удовольствие от выгодного дела с бриллиантами. Но у меня ничего не вышло. Мои мысли все время вертелись вокруг ее страстного взгляда и непристойных обещаний. Наконец я не удержался и залился тихим смехом.

Мои товарищи уставились на меня с удивлением.

Макс сказал:

– Как, опять? Кажется, у нашего Лапши съехала крыша.

Я был рад, что в этот момент вернулся Косой, нагруженный сэндвичами от Каца. Я чувствовал, что на меня вот-вот накатит приступ смеха. Мы расхватили еду с такой же жадностью и счастливым возбуждением, как в ту пору, когда были детьми. Разница лишь в том, что теперь у нас хватало зелени, чтобы скупить все мясные сэндвичи в округе, которые нам заблагорассудилось бы съесть. И это было приятное чувство.

Чтобы запить все сэндвичи, нам пришлось здорово погонять Тостяка Мо с кружками холодного пива. Проглотив шесть хот-догов, Косой вынул из кармана гармонику, отодвинул к стене кресло и, как обычно, с силой постучав по инструменту, медленно и мягко заиграл «Прощай, девочка из Кони-Айленда».

Макс торопливо дожевал последний кусок, отхлебнул глоток пива и присоединился к Косому на втором куплете. Его несильный баритон прекрасно подходил к игре Хайми. Все, что делал Косой, он делал хорошо. В гармонике Хайми тоже был виртуоз. Для нас его музыка звучала симфоническим оркестром. Косой и Макс перешли на «Арабского шейха» и потом на «Дарданеллу». Они пели еще некоторое время, потом Макс замолчал. Косой же продолжал играть на гармонике старые баллады, одну за другой, наполняя нас ностальгией по давним временам, когда мы были еще детьми без гроша в кармане и вместе бродили под эту музыку в парке на Джексон-стрит.

Мы сидели, удобно прислонившись креслами к стене. Наши сигары приятно пахли. У пива был прекрасный вкус. Нас наполняло чувство сытости. Наш мир был безопасен и удобен. На лице Макса я видел то же выражение глубокого довольства и умиротворения, какое до этого наблюдал только раз в жизни, – на лице юной пылкой вдовушки, старый муж которой долго болел перед смертью, после того как я в первый раз удовлетворил ее в постели.

В задней комнате Толстяка Мо царила атмосфера несокрушимого мира и спокойствия. Один за другим мы начали дремать. Единственным звуком в комнате было похрапывание Косого. Затем грубо и резко, как топор дровосека, тишину разрубил телефонный звонок – и мы мгновенно вернулись в трезвый и холодный мир своих насущных дел.

Макс снял трубку и заговорил:

– Да... да... да...

Минуты две он просто слушал, потом опять начал повторять свои «да». После последнего «да» Макс повесил трубку.

Мы смотрели на него выжидательно. Макс не торопился; он закурил сигару, выпустил густой клуб дыма, бросил спичку на пол и небрежно сказал:

– Этот чертов пацан, Винсент Колл из шайки Голландца в Бронксе, которого называют Безумным Миком, слетел с катушек.

Я иронически произнес:

– Вот важная новость! Да кто он такой?

Макс сказал:

– Это еще не все. Из офиса мне сообщили, что он увел с собой тридцать человек из банды Голландца. – Он пыхнул сигарой и продолжал: – Теперь этот парень говорит, что сотрет с лица земли Голландца и любого из Синдиката, кто попробует встать у него на пути. Голландец предлагает пятьдесят штук за то, чтобы вырубить парня.

Я присвистнул.

Патси сказал:

– Господи Иисусе.

Косой возбужденно вскочил с места:

– Подать «кадди», Макс? Мы займемся этим делом?

Макс покачал головой:

– Нет. За этот куш будут драться все банды в городе. У нашего тупоголового парня столько же шансов разрушить Синдикат, сколько у коровы – остановить товарный поезд с сорока вагонами. – Он усмехнулся. – И это еще не все.

Патси спросил:

– А что еще? Чему ты улыбаешься, Макс?

– У парня есть чувство юмора. Он похитил Большого Француза, угнал его машину и вернул ее вместе с запиской, требуя выплатить восемьдесят штук. – Макс засмеялся и продолжил: – Он пообещал, что, если завтра ему не выплатят деньги, он пришлет им член Француза в виде начинки для хот-дога.

Я спросил:

– С горчицей или без?

Макс пропустил эту шутку мимо ушей. Он продолжил:

– В офисе сказали, чтобы мы были наготове. Думаю, мы должны оставаться здесь, пока не последуют новые инструкции.

Мо принес нам бокалы с двойным виски. Мы стали играть в «греческого дурака» двумя колодами карт. Через пару часов у Косого был выигрыш в пятьсот долларов.

На меня стала накатывать усталость. Смешав карты, я сказал:

– Все, я сдох. Пойду лучше вздремну.

– Хорошая идея. Нам всем надо лечь пораньше и хорошенько выспаться, – одобрительно кивнул Макс.

– Лапша так заторопился, потому что хочет подцепить себе блондинку, – съязвил Косой.

– Нет, только не сегодня, – успокоил я его и направился к двери.

– Эй, Лапша! – крикнул мне вслед Косой.

– Да?

– Не хочу лезть в твои личные дела, тем более если речь идет о сексе, но все-таки... это правда, что о тебе говорят?

Я посмотрел на Косого, не зная, должен я чувствовать себя оскорбленным или нет. Но больше всего мне хотелось узнать, что это такое обо мне говорят. Я вернулся к столу и сел.

– Ладно, Косой, – сказал я, небрежно закулив сигару, – ты влез в мои личные дела, но мне интересно: что ты хочешь знать о моей сексуальной жизни?

Он выглядел смущенным.

– Ну, говорят, что... – Хайми остановился.

– Давай, продолжай, с каких пор ты стал таким скромником? – сказал я, покровительственно улыбаясь.

Он попробовал еще раз:

– Говорят, что ты каждую ночь приводишь к себе домой новую бабу.

– Каждую ночь привожу к себе новую бабу? – переспросил я. – Ну, это сильно преувеличено; я не настолько хорош. – Я задумался, слегка улыбаясь. – Привожу новую бабу через ночь – так будет более точно.

– Да, Лапша, говорят, что ты настоящий Казанова, – сказал Макси, весело задрал брови. – Тебя так и называют – Бродвейский Казанова.

– Значит, вот как меня теперь называют? Лапша Нож и Бродвейский Казанова? – сказал я сухо. – Очень длинный титул, как вы думаете?

Все рассмеялись.

Патси сказал:

– Новая баба каждую вторую ночь – это тоже круто. – Он прикинул в уме. – Три раза в неделю за десять лет, это будет... – Потом поднял глаза на потолок, погрузившись в арифметические вычисления. Наконец он присвистнул: – Господи, это больше, чем полторы тысячи разных женщин!

Макси серьезным тоном заявил:

– Наш Лапша круче, чем Соломон.

– По крайней мере, выбор у меня гораздо больше, – заметил я сухо. – По Бродвею каждый вечер слоняется не меньше миллиона женщин. – Глупый разговор начал мне надоедать. Я встал. – Но сегодня единственная вещь, которую я хотел бы взять с собой в постель, – это хорошая книга.

– Какая книга? – встрепенулся Косой. – «Бедняк разбогател» или «Бриллиантовый Дик» Горацио Элджера?

Я улыбнулся:

– Это для тебя, Косой. Профессор давно перевел меня в следующий класс.

Я взял такси до гостиницы «Фортуна», где снимал номер. По дороге я остановился у газетного лотка и купил все свежие газеты. Я бегло пролистал их, чтобы посмотреть, нет ли в них чего-нибудь о новом ограблении. Ничего не было. Ни единой строчки. Я был разочарован. Меня это немного удивило. Что-нибудь они должны были написать.

Я здорово устал. Я принял душ и лег в постель, думая о жене Джона. Совершенно невозможная натура, трудно в это даже поверить. Я задумался, почему она могла стать такой. Откуда эта бешеная сексуальность? Да еще в подобных обстоятельствах. Господи, Пегги тоже была нимфоманкой, но по сравнению с той бабой... она выглядит просто монастырской девой. Интересно, какими причинами это вызвано – психическими или физическими? Вероятно, она впадает в такое состояние только тогда, когда видит, как кого-нибудь бьют, или бьют ее саму. Реакция нормального человека на такую ситуацию – боль или страх. А у нее это вызывает сильное сексуальное желание. Я готов был побиться об заклад, что где-то в нервной системе у нее произошло короткое замыкание, отсюда все и пошло.

Я вспомнил, что у меня есть несколько книжек о сексе. Я посмотрел в туалете, где обычно хранил все свои книги. Вскоре мне удалось их найти, четыре томика, написанные неким Х. Эллисом, под названием «Учение о сексуальной психологии». Я заглянул в первый том. Мне не удавалось как следует сконцентрироваться на чтении. Все, что я смог понять, – жена наводчика относилась к двум типам извращенцев одновременно: садистам, которые получают удовольствие, причиняя боль своим партнерам, и мазохистам, которым, наоборот, приятно, когда их бьют. Если верить книге, она являлась и тем и другим сразу. Она была садомазохисткой. Я узнал что-то новое.

Книги, черт возьми, чудесная вещь, из них можно узнать что угодно, на любую тему, достаточно только пролистать страницы. Не важно, что именно ты читаешь, даже если что-то чисто развлекательное, все равно при этом ты получаешь знания. Книги написаны обо всем на свете, обо всех странах и эпохах. Интересно, подумал я, напишет ли кто-нибудь хорошую книгу о нашем времени, об эпохе гангстеров? Что-нибудь основанное на настоящих фактах, как это делали армейские генералы или простые рядовые, когда они писали о битвах, в которых сами принимали участие. Например, Фрэнк, наш босс, может быть, напишет мемуары вроде тех генералов или других больших людей, известных каждый в своей области. Если подобные мемуары появятся в печати, они будут просто фантастикой, невероятной сенсацией. Впрочем, трудно себе представить, как будут выглядеть такие вещи, когда окажутся на бумаге. Господи, о чем я думаю, какой же я болван! Можно ли написать об ограблении, которое мы совершили сегодня, и не загреметь при этом в тюрьму? Да и кто поверит, что все происходило именно так. К тому же люди каждый день читают о подобных вещах в газетах. Они знают, что такие события происходят. Но совсем другое дело, если они будут описаны самим участником. Может быть, такой парень, как я, Лапша, станет литературной сенсацией. Почему бы и нет? Сколько романтических историй написано о разбойниках былых времен, таких как Джесси Джеймс, Молодые братья, Куантрелл с его партизанами, и еще о буканьерах, о капитане Кидде, Дрейке, Хоукинсе, Моргане и других. Обо всех о них написаны истории, со временем превратившиеся в полудетские сказки с приключениями. Если бы люди узнали настоящую правду о пытках, изнасилованиях, грабежах, о жертвах, с которых заживо сдирали кожу, на их фоне наши собственные подвиги показались бы мелкими грешками. Кроме того, о тех старых бандитах мы узнаем из вторых рук, а я мог бы дать самую свежую и достоверную информацию. Почему бы мне не написать историю гангстеров? Почему бы нет?

Я рассмеялся. Эта мысль казалась слишком нелепой. Как я мог написать о наших проделках, не заложив при этом Макса, Пата, Косого и весь Синдикат в придачу? Но сама идея меня все-таки интриговала. Я лежал и думал.

Возможно, когда подлинная история нынешних событий появится в газетах, пройдет уже много времени, лет двадцать или тридцать. Нет, так не годится, это глупая идея. Писать надо о том, что происходит сейчас, сразу. А если рукопись найдут копы или еще кто-нибудь? Может быть, зашифровать текст так, чтобы его никто не мог понять, кроме меня? Допустим. Но если я напишу все, что мы делали, думали и говорили на самом деле, для простых людей это покажется слишком шокирующим и грубым. Какого черта! Я постараюсь, чтобы все было изложено в приличном виде. Но как? Ведь тогда все будет выглядеть не по-настоящему. Не представляю, как могут звучать в печати те грубые шуточки и крепкие остроты, которыми любят щеголять в Ист-Сайде. Наверняка очень вульгарно. Хотя, если подумать, пройдет немного времени, и все эти словечки перекочуют в язык миллионов людей из разных слоев общества. Сначала мы придумываем их в Ист-Сайде, а потом ими пользуются все. Пожалуй, стоит попробовать. По крайней мере, будет очень забавно, если я, Лапша Нож с Деланси-стрит, напишу настоящую, умную и правильную книгу. Как бы ее назвать? Скажем, «Жизнь Лапши, написанная Босуэлом». Или, подражая Пипсу¹⁰, я назову ее «Дневник Лапши». Книжки пишут все кому не лень, так почему бы и мне этим не заняться? Но в каком бы виде ее подать? Как подлинную биографию? Нет, не годится. Подлинные факты засадят меня и всю нашу компанию в тюрьму. Я представлю ее как вымышленную историю, изменив время и слегка закамуфлировав место действия. Так будет лучше. Я смешаю вымысел с тем, что происходило на самом деле. А когда книга будет написана, я подожду лет этак двадцать. К тому времени газеты все уже разносят о нашем Синдикате, так что я не выдам никаких секретов. После стольких лет, наверное, уже

¹⁰ Пипс Сэмюэл (1633—1703) — английский чиновник и писатель, автор известных «Дневников», где, в частности, рассказывается о лондонской чуме 1665 г.

начнет действовать срок давности. Или он касается только гражданских дел? Надо взять свод законов у Брентано и посмотреть, что там написано на этот счет.

Я лежал на спине и вспоминал про разные случаи, которые было бы интересно описать в книге.

Можно, скажем, рассказать о той истории с Капоне и его чикагской бандой. Они считали себя очень могущественными и перешли через границу. У них появилась дурацкая идея, что им вовсе не обязательно подчиняться правилам, однако скоро им пришлось пересмотреть эти взгляды. Мы преподали им урок. Капоне тогда сообразил, что единственный способ выпутаться из этой ситуации – дать себя арестовать за хранение оружия. К счастью для него, его агенты вовремя утрясли дела с Синдикатом, иначе и тюрьма не была бы достаточно безопасным убежищем для этого большого головореза со шрамом на лице. А потом можно будет рассказать, как мы проворачивали дела со спиртным. Сухой закон? Никаких проблем. Выпивка текла со всех сторон. Нанятые Синдикатом суда бросали якорь у границы трехмильной прибрежной зоны, и специальные скоростные катера доставляли груз на берег. Океанские лайнеры причаливали в укромных бухточках Лонг-Айленда, и я мог бы подробно описать, как мирно и спокойно работал Синдикат на всем протяжении береговой линии и в полном взаимопонимании с местной полицией. И еще о старых ист-сайдских доках, куда спиртное доставляли из Канады в огромных, полых изнутри рулонах бумаги, которые используются в газетной индустрии, и как автомобили въезжали прямо на пирс и грузили виски под охраной местных таможенных инспекторов и нью-йоркской полиции. Мне вряд ли поверят, если я расскажу, как груженные товаром большие машины с откровенным нахальством переезжали через американскую границу из Канады и доставляли товар в распределительные пункты в Детройте и Платтсбурге. Потом из этих точек его развозили во все концы страны. Я мог бы в деталях рассказать, как мы сопровождали машины по разным маршрутам, подмазывая федералов и шерифов, и как на груз нападали местные банды, которым было все равно, кого грабить. Мы устраивали им показательные выступления, чтобы научить эту наглую деревенщину хорошим манерам.

Я не мог заснуть. Я перебирал в памяти все новые случаи, которые мог бы вставить в свою книгу. Я встал с кровати, взял карандаш и начал делать записи.

Прежде всего я расскажу о первых днях Синдиката: как нам приходилось затягивать узлы то в одном, то в другом конце страны; как мы ездили по чужим бандам, которые занимались собственным бизнесом по всей Америке. И что нам приходилось с ними делать. Если у них шли крупные дела, дававшие большой доход, мы вмешивались в их операции и объявляли банду вне закона. Мы приводили их к покорности, отбирая самые доходные статьи или уничтожая все дело полностью. В тех редких случаях, когда какие-нибудь независимые группы – или изгои, как мы их называли, – все-таки бросали вызов Синдикату, мы расправлялись с ними своим обычным способом.

Я сделал несколько заметок по поводу игровых автоматов. Как эти машины устанавливались во всех болтушках, ночных клубах, аптеках и кондитерских. Я записал, что в одном Нью-Йорке их было больше пяти тысяч. Мы завели для них специальную книгу, за которую отвечал особый человек.

Я упомянул про роскошные игорные дома, которые были открыты по всей стране, и про то, как мы контролировали собачьи бега.

Я вкратце описал, как Синдикат обрел огромное богатство и мощь и как он держал под своим контролем местные власти путем подкупа чиновников и подтасовок на выборах.

Я изобразил всю романтическую атмосферу этого времени, то, с каким восторгом, уважением и страхом смотрели на нас тогда люди. Мы были совсем не то, что бандиты старой эпохи, отребья общества вроде Монаха Истмена, Малыша Твиста, Малыша Дроппера, Испанца, Левши Луи, Кровавого Джипа и им подобных.

Я написал о болтушках, которые мы держали для других и для себя, и особенно о том заведении, где мы устроили свою штаб-квартиру, «У Толстяка Мо». Как мы уверенно чувствовали себя в этом месте и нахально держали его двери открытыми настежь для любого, кому были по карману наши крутые цены. И как мы получали отличное спиртное, отечественное и импортное, лучшее во всем городе.

Я описал людей, которые помогали нашим операциям: бизнесменов, полицейских, политиков, правительственных агентов, отвечавших за выполнение сухого закона, все сливки истсайдского общества, – и то, как вольготно чувствовали в нашем баре мелкие воришки, прочие жулики и любые женщины, независимо от их моральных принципов. Я дал понять, что обширные связи и огромные деньги превратили наше заведение в неприкосновенное убежище. Я изобразил даже обстановку помещения, большую комнату с массивным столом и старыми уютными креслами, обитыми мягкой кожей. В интерьере преобладал солидный деловой стиль. Я написал, как задняя дверь вела в темную узкую аллею, зажатую между высотными домами. В летний зной там не было солнца и всегда стояли сумерки и сырость. Жаркий сезон мы переживали с помощью нескольких галлонов первоклассного холодного пива. Для зимних холодов у нас были раскаленные докрасна радиаторы и порции двойного виски, которые делали уютной любую погоду.

Заднюю комнату мы использовали как смесь делового офиса, командного пункта и развлекательного центра. Я написал о тяжелой стальной двери и металлических ставнях, о трех потайных выходах, которыми нам ни разу не пришлось воспользоваться. Я вспомнил, как мы превращали нашу комнату в гимнастический зал. Иногда мы раздевались до трусов, вытаскивали из туалета обитый кожей мат, расстилали его на полу и приступали к физическим упражнениям, как в давние времена в суповой школе. Мы боксировали или занимались борьбой, особенно практикуя захваты и удары, которые в профессиональной схватке считались бы «фолом». Я упомянул большие мешки, набитые песком, наши боксерские груши, которые висели в одном из углов и на которых мы отрабатывали удары. Макс с удовольствием возился с приспособлением, которое всегда носил у себя в рукаве: маленьким револьвером двадцать второго калибра, прикрепленным на длинной стальной пружине. Он прикручивал его к предплечью. Вытащив патроны, Макс по несколько часов упражнялся с этой штукой, стреляя из всех мыслимых позиций и под всевозможными углами. Он спускал курок в тот же миг, как только оружие выпрыгивало к нему в ладонь. Макс стал настоящим виртуозом в этом деле. Косой, Патси и я стояли вокруг него с разряженными пушками, вставленными в кобуру. Он кричал: «Давай!» Не успевали мы положить ладонь на рукоятку, как Макс уже держал нас на прицеле своего револьвера и смеялся, вхолостую щелкая курком: «Вы все уже мертвы».

Я вспомнил, как однажды мне удалось его обставить. Я держал руки в карманах брюк. Он сказал: «Давай». Моя рука выскочила из кармана вместе со сложенным ножом. Я ткнул им ему в живот и сказал: «Ты покойник. У тебя шесть дюймов стали в брюхе, Макс». На его лице появилось выражение недоверчивого уважения. Он похлопал меня по спине и сказал:

– Отличный прием, Лапша. Продолжай работать. Ты чертовски быстро управляешься со своим ножом.

Я рассказал о днях, когда мы просто бездельничали, и Косой тихо наигрывал на гармонике, а остальные дремали в креслах. В другие дни мы пили двойной бурбон и резались в разные карточные игры.

По мере того как мои записи росли, становилось очевидно, что мы были крепко связаны, притерты друг к другу за многие годы нашей совместной жизни. Между нами редко случались какие-либо конфликты.

Я изложил в хронологическом порядке, как мы отобрали бар «У Толстяка Мо» у одного типа по прозвищу Бенни Лодырь. Проблема с Бенни состояла в том, что он был лодырем с плохим характером. Бенни мошенничал и покупал виски и пиво из недозволенных источни-

ков. Несколько раз мы его предупреждали, чтобы он брал товар у наших дилеров, но Лодырь упорно предпочитал обращаться к продавцам с сомнительной репутацией. Не раз случалось, что упившиеся вдрызг клиенты слепли от его дрянного древесного спирта, и некоторых потом вылавливали мертвыми из сточных канав Ист-Сайда. А еще одной проблемой была его жена Фанни, та самая маленькая пухленькая Фанни, которая много лет назад жила на одном этаже со мной. Я смеялся, вспоминая нашу встречу в туалете. Я описал ее брак с Бенни Лодырем. Она была слишком хороша для него. Дело кончилось тем, что он сломал ей нос, а сам спутался с какой-то малолетней шлюшкой. Тогда мы потеряли терпение и навсегда изгнали его из нашего общества. Мы отправили его в далекую и дику «Страну борща».

Я в подробностях описал, как мы возвращались потом домой по шоссе номер 17. Патси сидел за рулем, а Косой находился в музыкальном настроении. Привычным жестом он постукивал по ладони гармоникой и мечтательно начал наигрывать что-то необычное. Макси посмотрел на него удивленно и спросил:

– Что это ты играешь, Косой?

Хайми пожал плечами:

– Не знаю. Просто играю то, что чувствую. Какую-то мелодию, которая вертится у меня в голове.

Патси иронически заметил:

– Никак второй Ирвинг Берлин объявился.

Косой проигнорировал его замечание и продолжал играть. Инструмент зазвучал, как орган, исполняющий кантату Баха. В нем было что-то религиозное. Он все играл и играл, милую за милей, пока нас всех не охватило траурное настроение.

Тут меня осенила внезапная догадка. Я взглянул на Макси. Я почувствовал, как одна и та же мысль пришла нам в голову.

– Косой перекладывает последнее путешествие нашего Бенни на музыку. Это здорово, а, Макс? – сказал я.

Макс наклонился ко мне и полушутя произнес:

– Ты у нас мастер на слова. Попробуй сочинить что-нибудь на этот случай.

Я достал карандаш и маленький черный блокнот. Я почувствовал, как меня пропитывает меланхоличная музыка. Понемногу я начал набрасывать слова, которые, на мой взгляд, подходили к этой мелодии. Когда я закончил, мне показалось, что я чувствую ее вкус на языке, настолько она была мне знакома. Я протянул блокнот Макси и шутливо бросил:

– Оцени мою школьную лирику.

Макси начал низким голосом напевать написанные мной слова под музыку Косого:

На свете жил лодырь по имени Бенни,
Он совести не имел ни на пенни.
Однажды в прекрасный июльский денек
Решили ему преподать мы урок.
И вот повезли мы его прогуляться
В ту землю, где любят борщом угощаться.
«Приехали». – «Где мы?» – спросил у нас Бенни.
«В прекраснейшем месте для сна и для лени».
Мы сделали дело и едем обратно,
А где теперь Бенни, увы, непонятно.
«Куда же пропал он, несчастный мой Бенни?» —
Со смехом спросила счастливая Фэнни.

Не знаю почему, но воспоминания об этом мрачном случае и нашей песенке вызвали у меня приступ смеха. Я бросил писать и лег в постель. Я очень устал, но не мог заснуть.

Я вертелся в постели, пытаясь забыть о книге. Я снова начал думать о жене Джона. Но эти мысли разбудили меня еще больше и к тому же сильно возбудили. Что, черт возьми, со мной творится? Почему я не могу выбросить из головы эту плоскогрудую шлюху? Стоит мне о ней только подумать, как я уже вне себя. В последнее время я все время на взводе. И что мне теперь делать? Лежать в постели и считать верблюдов?

Я снял трубку с телефона и попросил соединить меня с Суини.

– Да, с Суини, управляющим, – повторил я.

Оператор переключил меня на его номер.

Я сказал:

– Суини, мне что-то не спится. У тебя там нет кого-нибудь в холле? Что-нибудь пухленькое и не слишком безгрудое?

Он усмехнулся:

– Тут таких полно. Кого тебе нужно? Блондинку или брюнетку?

Я засмеялся:

– Выбери сам. Только почище и чтобы в моем вкусе.

Она появилась у меня через две минуты. Я лежал в постели, глядя, как она раздевается.

Она была очаровательной малышкой. Белье у нее оказалось свежим и чистым. Девушка скользнула под одеяло.

Тесно прижавшись ко мне, она прошептала на ухо:

– Мне нужно заплатить за квартиру.

На лице у нее появилась милая улыбка, словно милашка хотела извиниться за свои слова.

– Ты хористка и сидишь без работы?

– Да, а как ты узнал? Ты видел меня в шоу?

– Нет, догадался по твоему виду.

Она улыбнулась и вздохнула:

– Что ж, ты верно догадался. Сейчас трудно найти работу.

Я сказал:

– Расслабься, детка, ты получишь больше, чем месячную плату за квартиру. Поскольку я не только догадливый парень, но еще и покровитель всех хорошеньких безработных хористок.

– И к тому же симпатичный, – сказала она с улыбкой.

– За это ты получишь пятерку сверху.

Девушка придвинулась ко мне еще ближе и прошептала:

– Ты мне нравишься, большой, красивый, неотразимый, замечательный, умный, чудесный покровитель хористок.

Мы оба разразились смехом. Мы были как старые друзья. Я выключил свет. Она оказалась упругой, мягкой, полногрудой и жаркой.

Глава 13

На следующий день не было запланировано ничего особенного, поэтому мы начали утро с «греческого дурака». Мы играли часа два.

Потом пришел Мо и сказал:

– Снаружи ждет Мойши, поставщик. Он хочет видеть вас, ребята. Похоже, у него проблемы. Выглядит он так, словно его только что обчистили до нитки.

– Мойши? – с сомнением переспросил Макс. – Это тот парень, у которого маленький магазинчик на Тринадцатой улице?

– Да, тот самый, – подтвердил я.

Я помнил его, потому что он жил по соседству с нашим домом на Деланси-стрит.

Появился Мойши. Он действительно выглядел так, словно кто-то здорово его пристукнул. Голова была обмотана повязкой, а один глаз заплыл от синяка. Губы у него так распухли, что он с трудом мог говорить.

Патси насмешливо спросил:

– В чем дело, Мойши? Тебя побила жена?

Я пододвинул к нему кресло и сказал:

– Садитесь, Мойши. Выпейте и расскажите нам о своих проблемах.

Он взял стакан и с благодарностью кивнул. Он крикнул «А!», по достоинству оценив напиток. Только после этого сел и застонал, бормоча сквозь распухшие губы:

– Подрался с женой? Нет, – сказал он, кивнув в сторону Патси.

Косой со смехом спросил:

– Тогда кто тебя так расписал – теща?

Мойши обернулся и посмотрел на Косого. Он печально покачал головой.

– Veh is mir¹¹. Со своей тещей я могу справиться. У меня деловая проблема. Я попал в переделку. – Он в тоске раскачивался взад-вперед в кресле. – Это ужасно. Я занял у Натчи пятьсот долларов. Но он взял с меня большие проценты. Я уже заплатил Натчи восемьсот долларов, а он говорит, что я должен ему еще шестьсот. Я ему только возразил: «Это слишком много, Натч», и вот как он мне ответил. – Мойши показал на свою голову и глаз. – Еще шестьсот, сказал Натчи, или он переломает мне все руки и ноги. Что я могу сделать? – Поставщик беспомощно посмотрел на нас, продолжая машинально раскачиваться в кресле. – Я прошу у вас защиты. Я не хочу идти в полицию. Я боюсь туда идти.

– А почему вы решили обратиться к нам? – спросил я.

– Я ходил со своим делом к лидеру из клуба Таммани, и он сказал, что, может быть, вы сможете мне помочь. – Мойши посмотрел на наши лица, пытаясь найти в них искру симпатии. Он прибавил своему голосу патетики и лести. – Говорят, вы замечательные ребята. Может быть, вы мне поможете? А? Пожалуйста. Поговорите с мистером Натчи, чтобы он перестал меня бить.

Косой рассмеялся еще громче:

– Ох этот старина Натчи. Натчи с Тринадцатой улицы – парень не промах. У него совсем нет сердца.

Старик посмотрел на Косого. Он был сбит с толку и задет его смехом.

Макс его успокоил:

– Вы правильно поступили, что пришли к нам, Мойши. Не стоит обращаться в полицию. Натчи всех копов подкупил русскими шарлотками. Они вам не помогут.

Патси заметил:

¹¹ Горе мне (*идиши*).

– Я думал, Фрэнк приказал притухнуть всем Шейлокам в нашем городе.

Я отозвался:

– Верно, и я так слышал. Но этот Натчи – жадный парень. Похоже, он не признает правил.

– От них воняет, – сказал Патси, – ото всех этих Шейлоков.

– Да, грязный рэкет, – согласился Макс. – Он бросает тень на весь наш бизнес. Почему они так за него держатся?

– Потому что в нем много зелени, – ответил я.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Макс. – Сколько эти ублюдки берут за свои ссуды, по тысяче процентов, как ты думаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.